

отрочество

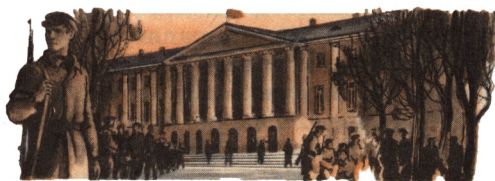

отрочество

ВЫСТРЕЛ С НЕВЫ

ВЫСТРЕЛ С НЕВЫ

АЛЕКСАНДР ПОПОВ

ВОСПОМИНАНИЕ О КОСТРЕ

*Рассказы
о Великом Октябре*

Кажется, мы первые разожгли тогда у Смольного костер — дядя Вася и я. Начало смеркаться. Опять ветер приволок откуда-то грязные лохматые тучи, бросил их здесь над площадью и исчез. Посыпал дождь — холодный, липкий, в Питере хуже не бывает. Мы взяли из большого штабеля несколько поленьев, посуше, надрали березовой коры и запалили. С чистой совестью. Это были *наши* дрова. С самого утра все мы, весь отряд дяди Васи — одиннадцать человек, — таскали их с Невы в этот штабель перед Смольным.

Хорошо про это помню — две барки мы тогда разгружали. Их пригнали военные моряки из села Рыбацкого, что лежит вверх по Неве, недалеко от города. Высмотрели там, взяли на буксир и прямо к Смольному. Хозяин хватился, когда мы уже трудились. Прилетел на извозчике — орал, грозил каторгой. Дядя Вася, как старший, всю вину принял на себя. Сказал свою фамилию, имя, отчество, домашний адрес, показал документ, но ехать с господином отказался. А тот тащил его ни больше ни меньше — к самому Керенскому. Так и помчался к нему один. Выхватил у извозчика кнут, хлестанул им лошадь и громко, по-бабьи завыл...

Думаете, мы смеялись? Ничего подобного. Даже расстроились немного. Ведь это было утром 24 октября 1917 года. Россией еще правил

капитал. Только дядя Вася чему-то все улыбался да поторапливал нас: «Давай, ребята, живей! Время-то летит, как бы правитель и впрямь сюда не явился». Вскоре прибыл еще народ, человек с полсотни, дело пошло веселей.

Вот какие это были дрова. И вот какой это был костер. Он быстро разгорался. Озорное еловое поленце стало стрелять и сыпать вокруг искрами. До чего ж это было красиво! Никогда прежде не видел я такого веселого костра... Руки в ссадинах, обе ноги ушиблены, спину не разогнуть, а на душе сразу посветлело.

Однако же коварная эта штука — костер. Едва разгорелся, подрумянил нам щеки, заиграл струйками пара на мокрой одежде, как захотелось поставить на тот костер котелок, да присесть рядом, да вытянуть к теплу занемевшие ноги. И все на свете — из головы прочь. Даже про винтовку забыл, что стоит в козлах рядом. Слушаю только, как звучно стреляет полено, — вот и все мое боевое настроение. И, похоже, не только со мною так. Вижу, бородатый Матвей, плотник с мебельной фабрики, снял сапог, размотал с ноги мокрую портянку, протянул ее к огню.

И сразу же — сердитый голос дяди Васи:

— Отставить! Этак все войско начнет сейчас сушить портянки.

«Все войско». А я ведь и вовсе на босу ногу, без портянок!..

Еще ночью, когда вернулся со смены, началась эта баталия. Помылся, сел за стол и, не успев опустить ложку в надоевшие пустые щи, взял да и выложил матери все, что носил в себе уже несколько дней: так, мол, и так — иду к большевикам, будем свергать Временное силовое оружие.

Мать сразу захлебнулась слезами, испугался я даже. Запричитала, как над покойником: «Батьку на войне убили, и этот от меня уходит!

И что только на свете творится — мальчишка, еще в прошлом году на улице в сраженья играл, еще шрам от камня на голове не сошел, а тоже туда лезет!»

Я слушал, молчал, давился ненавистными щами — дело мое было решенное, чего уж тут отвечать. Поел и лег спать.

Проснулся часов в семь, на дворе еще темно. Зажег свет, вижу — матери нет. И сапог моих нет, и портянок нет. Озлился сильно. Зубами даже закрипел — первый раз в жизни, само так получилось. Рванул крышку сундука, достал отцовские сапоги (батя их в праздники надевал), сгоряча натянул на босу ногу, схватил тужурку — и вон из дому. Уже у самой калитки долетел до моих ушей знакомый голос: «Михаил!.. Мишка!.. Прокляну!» А может, и не было этого, почудилось только.

Возле Смольного наткнулся на какой-то отряд. Спрашиваю: где тут записывают, винтовку где можно получить? Здесь и встретился с дядей Васей. Невысокий, коренастый, лет сорока, но уже поседелый. В замасленной куртке, строгий. Смотрит на меня, будто насквозь глазами прошивает, задает вопросы: кто, откуда, слыхал ли про Ленина?

— Еще бы не слыхать! Руку за него сколько раз поднимал!

— А своих от чужих в бою отличишь?

Вот не ожидал! Такой простой вопрос, а как ответить?.. По речам, конечно, отличить можно. Еще по красным бантам. А иначе?.. Замялся я, не знал, что сказать.

— Ладно, — решил дядя Вася, — научим. Шагай с нами!

Я стал в строй, и мы двинулись, весь отряд — теперь одиннадцать человек. Вышли на Неву и принялись разгружать барки с дровами...

И вот стою теперь у костра в отцовских сапогах на босу ногу, гляжу, как бородатый Матвей снова...

наматывает свою мокрую портянку, и вроде начинаю куда-то уплывать. В эту минуту подходят к нам двое матросов, перепоясанных пулеметными лентами, и один строго говорит:

— Ребята, с дровами поаккуратней! Дрова для боя приготовлены. Для баррикада...

Сказано суровое слово «бой», и голова моя мигом яснее. По телу бежит жаркая дрожь. Дрова — для боя. И мы здесь для боя. Каждую минуту его жди, не зря же дядя Вася одернул Матвея.

Я оглядываюсь вокруг. На площади уже пылают десятки костров. К Смольному и от Смольного с грохотом катят грузовики, набитые людьми. Трещат самокаты. Вокруг нас становится теснее.

В Смольном освещены почти все окна, но свет тусклый, лампы, видать, горят вполнакала. Я-то знаю почему — это наша станция подает туда ток, а с топливом у нас худо, полной выработки электричества никак не дашь.

Кто-то сует мне в руку сухарь. Глянул — Леонид! Новый мой дружок. Сегодня познакомились. Мне двадцать один, ему двадцать два. Из Архангельска, северной крови — голубоглазый, кожа белая, чистая. Не то что я — краснорожий, да еще уголь в поры вьелся. Весь день мы работали рядом — локоть в локоть. И нисколько парень от других не отстал. А ведь он студент, другая порода...

Возле нашего костра уже полно чужих. Кто-то кинул в огонь еще несколько поленьев. Зачадило. Во все стороны брызнули искры. Народ раздался — только один не двинулся с места.

— Может, и не надо мне в эту кашу лезть? — сказал он тоскливо. — Ведь я отпущенный. Глядите, было пять пальцев, осталось два...

Все умолкли. Прямо по сердцу хлестнул словами. Снова ярко

вспыхнуло пламя. Я увидел эту искалеченную руку. И лицо, узкое, заросшее, темное, как на иконе. И глаза, полные смертельной боли.

— Домой я двигался, — продолжал солдат, — а потом раздумал. Ну чего пустому идти, какая помощь? Опять спину гнуть на господской земле?.. И обратно — совсем не придешь, перемрут же все! У меня одни девчонки — четыре их. И баба — хвора... Вот и шатает дума с боку на бок.

— А как же целиться будешь, если шатает? — спросил дядя Вася. — Нет, служивый, иди-ка ты своей дорогой. Не путайся тут под ногами.

— Авось Мишка-то за тебя постарается, — кивнул на меня Матвей. — Схватит счастье для твоей хворой бабы...

— Братцы, да ведь я не пужливый! — вскричал солдат. — Не за себя терзаюсь, за семейство. Пять душ, и всё бабы!

— Вот и топай к ним, — сказал дядя Вася. — Да поживей. Сдавай ружье — и шагом марш!

— Ружье не тронь! — огрызнулся солдат. — Не тобой дадено... Ты и пороху, может, не нюхал, а этому научился — «шагом марш»... А ты в штыковую ходил? А тебя германец газом угощал?

Дядя Вася горько усмехнулся:

— Я и царскими гостинцами сыт.

— Выходит, квиты. А ружья не касайся. Я боя не страшусь.

— Только не надейся, — сказал Матвей, — после боя калачей тебе не отвалят. До калачей далеко.

— Это понимаю. Калачей не будет, а землю вполне могут дать.

Тут зашумели уже многие.

— Кто даст? Дядя? Сам ты ее возьми! Сам...

— А возьмешь — держи крепче. Еще и обратно отнимать будут.

— Вон дрова сегодня взяли, мелочь вроде бы. И то хозяин зверем

сделался. А леса да пашни забере-
рем — он и вовсе кинется глотку
перегрызть.

— Этого жди! Раз за ружье взя-
лись — он тоже не дремлет.

Прибежал человек с красной по-
вязкой на рукаве, собрал свой от-
ряд — там и солдат оказался. По-
строились, пошли. И сразу же сол-
дат подал голос:

— В ногу шагай, ребята! В ногу
легче. Ать-два, левой! Ать-два,
левой...

Через минуту — задание нам.
Обойти Смольный монастырь, загля-
нуть во дворы — нет ли там какого
скопления. Ротозеев гнать по до-
мам. Подозрительных проверять.

Быстро разбираем винтовки.
И вдруг — одна лишняя. Чья?

Держу в руке эту чужую винтов-
ку, и в глазах у меня темнеет —
нет среди наших Леонида. Что та-
кое, неужели живот схватило?

— Мишка! — разъярился дядя
Вася. — Вы что, шутки шутите?! Ку-
да он подался?

Я опомнился, заорал что есть
мочи:

— Леонид! Леонид! Уходим!

Дядя Вася забрал у меня обе
винтовки, одну кинул в руку Мат-
вею, другую — вместе со своей пе-
ребросил на ремне за плечо.

— Оставайся тут, — приказал он
мне. — Дождитесь нас...

— Да плюнь ты на этого бар-
чука! — вспыхнул Матвей. — Еще
няньку к нему приставляешь...

— Как это плюнь? — возмутил-
ся дядя Вася. — Свой же! Потеряет-
ся — всю жизнь будет казнить.

Я остался у костра один. Подо-
шли новые люди. Подбросили в
огонь поленьев. Повели свои разго-
воры. Только я уже ничего не слы-
шал. Я высматривал Леонида да вы-
искивал для него самые крепкие,
самые злые и обидные слова. Вот
явится — я ему влеплю, в самую
душу влеплю!

Но время шло, а дружка моего

все не было. Я терялся в догадках.
В моих ушах звучал его голос, в па-
мяти соединялось все, что урывка-
ми поведал он о себе. У отца рыбная
торговля. Человек он скупой, гру-
бый, обижает мать. Леонид поссо-
рился с ним и никогда больше в
семью не вернется. Уже успел хлеб-
нуть нужды, и голода, и унижения.
Чем так жить, лучше умереть за на-
род...

Наконец наступила минута, ког-
да я понял — Леонид не придет.
Нет, не явится — наш костер осту-
дил его пыл...

— Как же так? — спросил я в
горькой растерянности дядю Васю,
когда отряд вернулся. — Еще и бой
не начался, а он...

— Что ты, парень! Давно уже
бой идет! Ты же видел, как солдат
бился, как себя победил, — это что,
не бой?.. А студент твой сдался,
сломался, рухнул. Ведь бой-то спер-
ва в тебе самом. Главное — знать, за
что дерешься...

Дядя Вася ушел в Смольный, по-
нес лишнюю винтовку.

Все так же гремели грузовики
и двигались вооруженные люди.
Я смотрел на окна Смольного, и
мне показалось, что свет в них стал
еще тусклее. Что такое? Не погас бы
совсем...

За спиной раздался цокот копыт,
крики. Обернулся — катит извозчик.
Сердце даже оборвалось: неужели
дровяной купец вернулся? Может,
и Керенский с ним?

Подняли ружья — остановили.
Нет, не купец. Сидит в пролетке
батюшка. Объясняет: умирает на
Охте человек, хочет в грехах по-
каяться. Вызвали батюшку по теле-
фону — вот он и едет.

— Ладно, езжай, толькой другой
дорогой.

И опять пошли у огня разговоры.
О жизни и о смерти, о совести и о
правде...

Уже за полночь. И вот, словно
ветер тронул деревья, совсем по-

другому зашумела площадь. Наверно, что-то случилось. Все ближе и ближе этот непонятный гул — и тревожный, и словно бы радостный.

А тут подбегает и дядя Вася.

— Братцы, новость-то какая! Ленин уже там — в Смольном! Уже лично направляет дело...

Мы к нему: сам его видел? Какой он?

— Не видел. Только понял, ребята, наших сил утроилось!

И сразу дает команду:

— Стройся! — И ко мне: — Михаил, веди к себе на станцию. Берем под свое начало.

Здорово! Очень это мне по душе!

Идем. А мне каждый шаг — что пытка, хромаю даже.

Я же на босу ногу... Однако топаю впереди.

— Дядя Вася, заметил, какой свет в Смольном? Совсем замирает.

— Да, не ярко горит.

— А зачем, спрашивается, в соседний монастырь даем? Или вот в гимназию? Смотри, ночь на дворе, а они жгут вовсю, наверно, шушера там всякая собралась.

Дядя Вася сделал поворот, хотел заглянуть в гимназию, потом махнул рукой — время терять нельзя.

— Отключить их надо! — предлагаю я решительно. — Тогда и в Смольном загорится поярче.

— Дело говоришь! — одобряет Матвей. — И в монастыре горело как на балу.

— Так, так, — соглашается дядя Вася. — Еще что?

— Охрану надо поставить на разгрузку угля. Пока разгружаем, половину тачит себе улица.

— Тоже верно. Еще что?.. Давай, давай, Михаил...

Приходим на станцию. Вызываем дежурного. Дядя Вася показывает ему свой мандат, потом кивает на меня:

— Знакомы?

— А как же! Наш кочегар...

— Так вот, до особого распоряжения он тут у вас за главного. Понятно?

— Ясно.

— А пока, — продолжает дядя Вася, — будьте любезны, примите меры, чтобы монастырь и гимназию отключить. Без промедления. И чтобы в Смольном, где в настоящий момент находится сам товарищ Ленин, электричество светило как надо. Тоже ясно?

В груди у меня просто бухает: и боязно мне, и радуюсь...

Дядя Вася сам расставляет охрану, обещает прислать людей в подмогу и на прощанье говорит:

— Ты думай, Михаил, что там надо еще. Ты теперь всю жизнь думать обязан.

Первым делом я бросаюсь к себе в кочегарку, к своим товарищам. И здесь неожиданно вижу свои милые, желанные, такие разудобные сапоги, из которых торчат мягкие чистые портянки... Мама... Значит, не прокляла!

...Вечером 25 октября, договорившись с Матвеем, бегу «на минутку» к Смольному. Все окна ярко освещены. В правом крыле, где угадывается большой зал, празднично сияют люстры. Хорошо! Я знаю, что теперь этот свет надежный — меры приняты.

Потом я пробираюсь к своему костру. Он пылает, как и вчера. И, как вчера, вокруг стоят люди с винтовками, ждут приказа. Я всматриваюсь в лица — нет ли здесь дяди Васи?

Не видно. Говорят, главный бой идет сейчас у Зимнего. И мне становится ясно — дядя Вася, конечно, там...

БОРИС ЛАВРЕНЕВ

ВЫСТРЕЛ С НЕВЫ

23 октября 1917 года шел мелкий дождь. «Аврора» стояла у стенки Франко-русского завода. Место это было хорошо знакомо старому крейсеру. Это было место его рождения. С этих стапелей в 1900 году новорожденная «Аврора» под гром оркестра и салют, «в присутствии их императорских величеств», скользя по намыленным бревнам, сошла в черную невскую воду, чтобы начать свою долгую боевую жизнь с трагического похода царской эскадры к Цусимскому проливу.

По мостику, скучая, расхаживал вахтенный начальник. Направо медленно катилась ко взморью всплывшая поверхность реки серо-чугунного цвета, покрытая лихорадочной рябью дождя. Налево — омерзительно-грязный двор завода, закопченные здания цехов, черные переплеты стапельных перекрытий, размокшее от дождя унылое пространство, заваленное листьями обшивки, плитами брони, бунтами заржавевшей рыжей проволоки, змеиными извивами тросов. Между этими хаотическими нагромождениями металла стояли гниющие красно-коричневые лужи, настоянные ржавчиной, как кровью.

Дождь поливал непромокаемый плащ вахтенного начальника, скатываясь по блестящей клеенке каплями тусклого серебра. Капли эти висели на измятых щеках мичмана, на его подстриженных усиках, на козырьке фуражки. Лицо мичмана

было тоскливо-унылым и безнадежным, и со стороны могло показаться, что вся фигура вахтенного начальника истекает слезами безысходной тоски.

Так, собственно, и было. Вахтенный начальник смертельно скучал. С тех пор как стало ясно, что все рушится и адмиральские орлы никогда не осенят своими хищными крыльями мичманские плечи, мичман исполнял обязанности, изложенные в статьях Корабельного устава, с полным равнодушием, только потому, что эти статьи с детства въелись в него, как клещи в собачью шкуру. Он сам удивлялся порой, почему он выходит на вахту, когда вахта обратилась в ерунду. Неограниченная, почти самодержавная власть вахтенного начальника стала лишь раздражающим воспоминанием. От нее сохранилось только сомнительное удовольствие — записывать в вахтенный журнал скучные происшествия на корабле.

Такую вахту не стоило нести. Офицеры с наслаждением отказались бы, если бы не странное и необъяснимое поведение матросов. Нижние чины, внезапно превратившиеся в граждан и хозяев корабля, несли сейчас корабельную службу с небывалой доселе четкостью и вниманием. Матросы держались подчеркнуто подтянуто. Корабль убирался, как будто в ожидании адмиральского смотра. Часовые у денежного ящика и у трапа стояли как вкопанные. Эта матросская ретивость к службе, в то время как ее не требовал и не смел требовать командный состав, казалась офицерам непонятной и даже пугала их.

Вот и сейчас. Вахтенный начальник нагнулся над стойками левого обвеса мостика и лениво наблюдал разыгрывающуюся сцену. Шлепая по лужам, к мосткам, перекинутым со стенки на борт крейсера, шел человек в длинной кавалерийской шинели. Полы, намокшие и отяжелев-

шие, бились о сапоги, как мокрый бабий подол. На голове шедшего была защитная фуражка английского офицерского образца. Он взошел на мостки. Вахтенный начальник равнодушно наблюдал. С утра до ночи на крейсер шляется всякая шушера. Представители всяких там партий, демократы и социалисты, черт их пересчитает. Еще совсем недавно нога штатского не смела вступить на неприкосновенную палубу военного корабля. А теперь...

Ну и пусть ходит кто хочет. И чего ради часовой у мостков пререкается с этим типом? Мичман равнодушно, но с тайным злорадством наблюдал, как часовой преградил дорогу посетителю, как тот, горячась, говорил что-то и как часовой, холодно осмотрев гостя с ног до головы, свистнул, вызывая дежурного. Такое соблюдение формальностей было ни к чему, но все же умаслило мятущееся сердце мичмана.

Пододошедший дежурный взглянул в предъявленную посетителем бумагу и повел его за собой. Вахтенный начальник разочарованно зевнул и зашагал по мостику, морщась от дождевых капель.

Только что назначенный комиссаром «Авроры» минный машинист Александр Бельшев хмуро прочел поданную посетителем бумагу. Уже то, что посетитель представился личным адъютантом помощника министра Лебедева, разозлило комиссара. Он терпеть не мог ни эсеров, ни их адъютантов.

В бумаге был категорический приказ морского министра немедленно выходить в море на пробу машин и после этого следовать в Гельсингфорс в распоряжение начальника второй бригады крейсеров.

— Министр приказал довести до вашего сведения, что невыполнение приказа будет расценено как срыв боевого задания и военная измена со

всеми вытекающими последствиями, — сказал адъютант казенными словами, стараясь держаться начальственно и уверенно. Ему было неуютно в этой суровой, блестящей от эмалевой краски каюте, за тонкими стенками которой ходили страшные матросы, и он старался подавить свой страх показной самоуверенностью.

— Ясное дело, — сказал Бельшев, поднимая на адъютанта тяжелый взгляд, и вдруг улыбнулся совсем детской конфузливой улыбкой. — Мы и так понимаем, что такое измена, — выговорил он значительно, подняв перед своим носом указательный палец, и по тону его нельзя было понять, к кому относится слово «измена». — Стрелять изменников надо, как сукиных сынов, — продолжал комиссар, повышая голос, и адъютанту морского министра показалось, что глаза комиссара, вспыхнувшие злостью, очень пристально уперлись в его лоб. Он поспешил проститься.

После его ухода Бельшев прошел в каюту командира крейсера. Командир сидел за столом и писал письма. Слева от него выросла уже горка конвертов с надписанными адресами. Лицо командира было бледно и мрачно. Похоже было, что он решил покончить самоубийством и пишет прощальные записки родным и знакомым.

Не замечая унылости командира, Бельшев положил перед ним приказ морского министра.

— Когда прикажете сниматься? — спросил командир, вскинув на комиссара усталые глаза.

— Между прочим, совсем наоборот, — ответил, слегка усмехаясь, Бельшев. — Комитет имеет обратное приказание Центробалта — произвести пробу машин не раньше конца октября. Так что придется гражданину верховноуговаривающему вытягивать якорный канат своими зубами, и он их на этом деле обломает.

В Гельсингфорс не пойдем, и вообще не пойдем без приказа Петроградского Совета,— закончил Белый официальным тоном.

— Слушаю-с,— ответил командир и сам удивился, почему он отвечает своему бывшему подчиненному с той преувеличенной почтительностью, с какой разговаривал с ротным офицером в корпусе, еще будучи кадетом.

— Посторонних нет?

Вопрос был задан для проформы. Комиссар Белый и сам видел, что в помещении шестнадцатого кубрика не было никого, кроме членов судового комитета, но ему нравилась строгая процедура секретного заседания.

— А какой черт сюда затешется? — ответили ему. — Матросы понимают, а офицера на веревочке не затащишь.

Белый вынул из внутреннего кармана бушлата конверт. Медленно и торжественно вытащил из него сложенную четвертушку бумаги, разгладил ее на ладони и, прищурившись, обвел настороженным взглядом членов комитета. Это были свои, испытанные, боевые ребята, и все они жадно и загоревшимися глазами смотрели на бумагу в комиссарских руках.

— Так вот, ребятки,— сказал Белый,— сообщаю данное распоряжение: «Комиссару Военно-революционного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов на крейсере «Аврора».

Военно-революционный комитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов постановил: поручить вам всеми имеющимися в вашем распоряжении средствами восстановить движение на Николаевском мосту».

В кубрике было тихо и жарко. Где-то глубоко под палубами заглушенно гудело динамо, да иногда по

подволоку прогрохатывали чьи-то быстрые шаги. Члены комитета молчали. И несмотря на то, что глаза у всех были разные — серые, карие, ласковые, суровые,— во всех этих глазах был одинаковый острый блеск. И от этого блеска лица были похожи одно на другое. Их освещал одинаковый свет осуществляющейся, становившейся сегодня явью вековой мечты угнетенного человека о найденной Правде, которую сотни лет прятали угнетатели.

— По телефону передали из ревкома, что это распоряжение самого Владимира Ильича... Товарищ Ленин ожидает, что моряки не подведут,— добавил Белый тихо и проникновенно, и опять по лицам пробежал задумчивый и взволнованный свет.

— Ты скажи, Саша, пусть товарищ Ленин пребывает без сомнения,— обронил кто-то,— если он хочет, так сквозь что угодно пройдем.

— Значит, постановлено? Возражающих нет? — спросил комиссар. Он был еще молод, молод в жизни и молод в политике, и любил, чтобы дело делалось по всей форме.

Члены комитета ответили одним шумным вздохом, и это было вполне понятной формой одобрения.

— Тогда предлагаю обмозговать выполнение задачи,— Белый бережно спрятал в бушлат боевой приказ Петроградского Совета.— Сколько людей понадобится, и каким способом навести мост.

— Способ определенный,— сказал, усмешливо скаля мелкие зубы, Ваня Карякин,— верти механизм, пока не сойдется, вот тебе и вся механика.

Но шутка не вызвала улыбок. Настроение в кубрике было особенное, строгое и торжественное, и Ваню оборвали:

— Закрой поддувало!

— Ишь нашелся трепач... Ты время попусту не засти. Без тебя

знаем, что механизм вертеть надо.

С рундука встал плотный бородатый боцманмат.

— Полагаю, товарищи, что дело серьезное. На мосту и с той стороны, на Сенатской и Английской набережной, юнкерье. Сколько их там и чего у них есть, нам неизвестно. Разведки не делали. Броневики я у них сам видел. А может, там где-нибудь в Галерной и артиллерия припрятана. От них, гадов, всего дождешься. И думаю, что на рожон переть нечего, а то оскандалимся, как мокрые куры, и дела не сделаем.

— Что ж ты предлагаешь? — спросил Бельшев.

— А допржеде всего выслободить корабль из этой мышеловки. Черта мы здесь у стенки сотворим. Первое дело — отсюда мы до Английской набережной не достанем через мост. Второе — на нас могут с берега навалиться. Да где это слыхано, чтоб флотский корабль у стенки дрался! А потому предлагаю раньше остального вывести «Аврору» на свободную воду для маневра и поставить к самому мосту.

— Верно, — поддержал голос, — нужно к мосту выбираться.

Бельшев задумчиво повертел в руках конец шкертика, забытого кем-то на столе.

— Перевести — это так, — сказал он, — да кто переводить будет? На офицерье надежды мало. Они сейчас — как черепаха, богом суродованная. Будто им головы прищемило.

— Пугнуть можно, — отозвался Ваня Карякин.

Бельшев махнул рукой:

— Уж они и так напуганы, больше некуда. Начнешь дальше пугать — хуже будет. Теперь с ними одно средство — добром поговорить. Может, и отойдут. А то они даже самые обыкновенные слова не понимают. Я вчера на палубе ревизора встретил, говорю ему, что нужно с базой поругаться насчет гнилых

гадет, и вижу, что не понимает меня человек. Глаза растопырил, губу отвесил, а сам дрожит, что заячий хвост. Даже мне его жалко стало. Окончательно рассуждение потерял мичманок... Верно, думал, что я его за эти сухари сейчас за борт спущу. Ихнюю психику тоже сейчас взвесить надо. Земля из-под ног ушла...

— Потопить их всех.

— Рано, — твердо отрезал Бельшев. — Если б надо было, так нам сперва приказали с ними разделиться, а потом мост наводить. Сейчас пойду с ними поговорю толком. Членам комитета предлагаю разойтись по отсекам, разъяснить команде положение. Да присмотреть за эсеровщиной. А то намутят. Еще сидят у нас по щелям эсеровские клопы...

Кубрик ожил. Члены комитета загрохали по палубе, торопясь к выходу.

Когда Бельшев вошел в каюткомпанию, был час вечернего чая и офицеры собрались за столом. Но как не похоже было это чаепитие на прежние оживленные сборища. Молчал накрытый чехлом, как конь траурной попоной, рояль. Не слышно было ни шуток, ни беззаботного мичманского смеха. Безмолвные фигуры, низко склонив головы над столом, избегая смотреть друг на друга, напоминали людей, собравшихся на поминки по только что схороненному родственнику и не решающихся заговорить, чтобы не оскорбить звуком голоса незримо присутствующий дух покойника.

При появлении комиссара все головы на мновение повернулись в его сторону. В беззвучной перекличке метнувшихся глаз вспыхнула тревога, и головы еще ниже склонились над стаканами жидкого чая.

— Добрый вечер, товарищи командиры! — как можно приветли-

вее сказал Бельшев и, положив бескозырку на диванную полочку, весело и добродушно уселся на диван.

Но, садясь, он зорко следил за впечатлением от своего прихода, отразившимся на офицерских лицах. Некоторые просветлели, — очевидно, приход комиссара не сулил ничего плохого, а сам комиссар был все же парень неплохой, отличный в прошлом матрос и не злой. Двое напустились еще угрюмей. Это были кондовые, негнущиеся, ярые ревнители дворянских вольностей и офицерских привилегий, и самое появление комиссара в кают-компании и его независимое поведение резало как ножом их сердца.

Но этих было только двое. Остальные как будто оттаяли, и, следовательно, можно было говорить.

— Разрешите закурить, товарищ старший лейтенант? — вежливо обратился Бельшев к командиру. Командир, не отрывая взгляда от стакана, словно искал в нем потерянное счастье, кивнул головой и глухо ответил:

— Прощу.

Бельшев достал папироску и неторопливо закурил. Он видел, что офицеры искоса наблюдают за струйкой дыма, выходящей от его папиросы, и это сместило его. Он глубоко затянулся и внезапно сказал, как оторвал:

— Через час снимаемся.

Офицерские головы вздернулись, как будто всеми ими управляла одна нитка, и повернулись к комиссару. Штурман нервно звякнул ложкой о стакан и, передернув плечами, спросил:

— Позволено знать — куда?

— А почему ж не позволено, — беззлобно ответил Бельшев. — Петроградский Совет приказал перевести крейсер к Николаевскому мосту, навести мост и восстановить движение, нарушенное контрреволюционными силами Временного правительства.

Штурман вздохнул и зазвякал ложкой. Жирный артиллерист, бывший прежде заправским весельчаком и не раз смешивший матросов забавными рассказами, а теперь потускневший и слинявший, словно его выкупали в щелоке, не подымая головы, спросил напряженно и зло:

— А приказ комфлота есть?

Бельшев пристально посмотрел на него.

— Проспали, товарищ артиллерист, — сказал он спокойно. — Командует флотом нынче революция, а в частности Военно-революционный комитет, которому флот и подчиняется.

— Не слышал, — ответил артиллерист, — я такого адмирала не знаю.

Артиллерист явно задибался и вызывал на скандал. Бельшев понял и, не отвечая, снова обратился к командиру:

— Товарищ старший лейтенант, прошу распорядиться.

Командир медленно поднялся. Руки его бессильно висели вдоль тела. Губы мелко дрожали. На него было жалко и смешно смотреть. Командир был выборный. Еще в февральский переворот команда единогласно выбрала его на пост командира после убийства прежнего командира, шкуры, дракона и истязателя. Новый командир был либерал, еще до революции читал матросам газеты и покрывал нелегальщину. Команда искренне любила его, как любила всякого, кто в жестокой каторге флота относился к номерному матросу как к живому человеку. Команда и сейчас не утратила доброго чувства к этому тихому и мягкому интеллигенту. Но командир был выбит из колеи. Он был во власти полной раздвоенности и растерянности.

— Вы хотите вести крейсер к Николаевскому мосту?

— А то куда ж? — удивился Бельшев. — Как будто ясно сказано...

— Но... но... — командир тщетно искал убегающие от него слова, — но вы понимаете, товарищ Бельшев, что это... это невозможно?

— Почему? — тоном искреннего и наивного изумления спросил комиссар.

— Но дело в том... С начала войны расчистка реки в пределах города не производилась, — быстро заговорил командир, обрадованный тем, что уважительная причина технического порядка, прыгнувшая в мозг, дает возможность правдоподобно и без ущерба для революционной репутации объяснить отказ. — Совершенно неизвестно, что происходит на дне. Фарватер представляет собой полную загадку. Я несу ответственность за крейсер как боевую единицу флота. Мы только что закончили ремонт и можем обратить корабль в инвалида, пропороть днище... Я... Я не могу взять на себя такой риск.

Артиллерист злорадно и весело кашлянул. Это было явное поощрение командиру. Но Бельшев оставался спокоен, хотя мысль работала быстро и ожесточенно. Он понимал, что командир сделал ловкий ход в политической игре. Это было похоже на любимую игру в домино, когда противник неожиданно поставит косточку, к которой у другого игрока нет подходящего очка. Можно, конечно, обозлиться, смешать косточки и прекратить игру, вызвав на подмогу команду, пригрозить. Но хороший игрок так не поступает, а Бельшев играл в «козла» отменно.

Он только искоса взглянул на артиллериста, и кашель завяз у того в горле.

Потом, обращаясь к командиру, Бельшев произнес, напирая на слова:

— Соображение насчет фарватера считаю правильным.

Офицеры переглянулись: неужели комиссар сдаст?

Но радость оказалась преждевре-

менной. Сделав паузу, Бельшев продолжал:

— Крейсером рисковать нельзя, товарищ старлейт. Мы за него оба отвечаем. И я под расстрел тоже не охотник... Но приказ есть приказ. Мы должны передвинуться к мосту. Через полчаса фарватер будет промерен и обвехован...

Он с трудом удержался от победоносной усмешки. Удар был расчитан здорово. Командир проиграл. Ему некуда было приставить свою косточку. Он безнадежно оставался «козлом». В кают-компании стало невыносимо тихо.

Бельшев взял бескозырку и пошел к выходу. В дверях остановился и, оглядев растерянные лица офицеров, строго и резко закончил:

— Предлагаю от имени комитета товарищам командирам до окончания промера не выходить на палубу.

— Это что же? Арест? — вскинулся артиллерист.

— Ишь какой скорый! — засмеялся Бельшев. — Зачем? Нужно будет — успеем. Просто дело рискованное. Могут внезапно обстрелять, а я за вас как за специалистов вдвойне отвечаю. До скорого...

Дверь кают-компаний захлопнулась за ним. Офицеры молчали. Это молчание нарушил штурман. Он покачал головой и, как бы разговаривая с самим собой, сказал вполголоса:

— А молодцы большевики, хоть и сукины дети!

Шлюпка покачивалась на черной воде у правого трапа. Расставив вооруженных матросов по левому борту, обращенному к территории завода, осмотрев лично пулеметы и приказав внимательно следить за всяким движением на берегу, Бельшев перешел на правый борт к трапу. Четверо гребцов спускались в шлюпку. На площадке трапа стоял секретарь судового комитета, сиг-

нальщик Захаров, застегивая на себе пояс с кобурой. На груди у него висел аккумуляторный фонарик, заклеенный черной бумагой с проколотым в ней иглой крошечным отверстием. Узкий, как вязальная спица, лучик света выходил из отверстия.

— Готов, Серега? — спросил Бельше, кладя руку на плечо Захарова.

— А раньше? — ответил Захаров любимой прибауткой.

— Гляди в оба. На подходе к мосту будь осторожней. Я буду на баке у носового. Если обстреляют, пускай ракету в направлении, откуда ведут огонь. Тогда мы ударим. Ну, будь здоров.

Они крепко сжали друг другу руки. Много соли было съедено вместе в это горячее времечко. И вот веселый, лихой парень, товарищ и друг, шел на тяжелое дело за всех, где его могла свалить в ледяную невскую воду белая пуля.

У Бельшева защекотало в носу. Он быстро отошел от трапа. Шлюпка отделилась от борта и беззвучно ушла в темноту. Комиссар прошел на полубак. Длинный ствол носовой шестидюймовки, задравшись, смотрел в чернильное небо. Чуть различимые в темноте силуэты оружейного расчета жались друг к другу. Ночь дышала тревогой. Бельшев прошел к гюйсштоку. Неразличимая пустыня воды глухо шепталась перед ним. За ней лежал город, чудовищно огромный, плоский, притаившийся. Город лощенных проспектов, дворцов, город гвардейских шинелей с бобровыми воротниками, город министерских карет и банкирских автомобилей. Город, вход в который был свободен для породистых собак и закрыт для нижних чинов. Бельшев чувствовал, как этот город дышит ему в лицо всей своей гнилью и проказой. Этот город нужно было уничтожить, чтобы на месте его создать новый — здоровый, яс-

ный, солнечный, широко открытый ветрам и людям.

Набережные были темны. Фонари не горели. Зыбкие и смутные тени передвигались за гранитными парапетами. Вдалеке, очевидно с петропавловских верков, полосовал сырую мглу бледно-синий меч прожектора. Он то взлетал ввысь, то рушился на воду, и тогда впереди проступали четкие разлеты мостовых арок и вода стекленела, светясь.

Шаги сзади оторвали Бельшеву от созерцания. Он оглянулся. Член судового комитета Белоусов торопливо подошел к нему.

— Сейчас захватил в машинном кубрике эсеровского гада Лещенко. Разводил агитацию.

— Где? — спросил Бельшев, срываясь.

— Не беспокойся. Забрали и засунули в канатный ящик. Пусть там тросам проповедует.

— Смотрите вовсю. Чтоб не выкинули какой-нибудь пакости, — сурово сказал Бельшев.

— Комиссар, шлюпка возвращается, — доложил сигнальщик, острые глаза которого увидели в ночной черноте слабые очертания маленькой скорлупки.

— Ну хорошо... А то уж я боялся за Серегу, — мягко и ласково сказал комиссар и направился к трапу.

Со взятой у Захарова картой промера фарватера, влажной от дождевой воды и речной сырости, Бельшев вернулся в кают-компанию. Едва взглянув на офицеров, комиссар понял — за время его отсутствия в кают-компании произошли какие-то события и офицерское настроение сильно изменилось. Офицеры уже не были похожи на кур, долго мокших под осенним ливнем. Они выпрямились, подтянулись, и в них чувствовалась какая-то решимость. Казалось, они опять стали военными.

Это удивило и встревожило комиссара. Но, не давая понять, что он обеспокоился переменой, Белыйшев спокойно направился прямо к командиру и положил на стол перед ним карту.

На промокшей бумаге лиловели сложные зигзаги химического карандаша, которым Захаров прочертил линию благоприятных глубин.

— Вот, — сказал Белыйшев, — фарватер есть! Не ахти какой приятный, конечно. Можно сказать, не фарватер, а гадючий хвост. Ишь как крутится. Но, между прочим, по всей провехованной линии имеем от двадцати до двадцати трех футов. Значит, пройти вполне возможно, и еще под килем хватит. В старое время штурмана друг другу полдюйма под килем желали, а у нас просто раздолье. С хорошим рулевым вывернемся. Начинайте съемку.

— Офицеры имели возможность обсудить положение и уполномочили меня сообщить...

Тут командир захлебнулся словами и замолчал. Белыйшев с усмешкой смотрел на его пляшущие по скатерти пальцы.

— Ну, что же господа офицеры надумали?

Командир вскинул голову, как будто его ударили кулаком под челюсть. Мгновенно покраснев до шеи и стараясь смело смотреть в глаза Белыйшеву, он сказал:

— Поскольку мы понимаем, что перевод крейсера к мосту является одним из актов намеченного политическими партиями плана захвата власти, офицеры крейсера, готовые в любое время выполнить свой боевой долг в отношении внешнего врага, считают себя не вправе вмешиваться в политическую борьбу внутри России. Поэтому... вследствие этого мы... — командир начал запинаться, мы заявляем, что в этой борьбе мы соблюдаем нейтралитет...

— Так... так... — сказал Белыйшев

беззлобно, кивая головой, и командир покраснел еще гуще.

— Мы ни за какую политическую партию... Мы за Россию... Мы против большевиков тоже выступать не будем...

Белыйшев сделал шаг вперед и положил свою тяжелую ладонь на плечо командира. От неожиданного этого прикосновения старший лейтенант вздрогнул и молниеносно сел, как будто он был гвоздем и сильный удар молотка с маху вогнал его в кресло. Было ясно, что он испугался.

— Еще бы вы против большевиков выступили! Я так думаю, что у вас и против своей тещи пороку не хватит, — презрительно, но так же беззлобно обронил комиссар и, помолчав немного, покачал головой. — Эхма... а я-то думал, что вы все-таки офицеры. А вы вроде как мелкая салака...

— Ну, ну... комиссар. Просил бы полегче, — ехидно вставил артиллерист. — Посмотрим еще, какая из тебя осетрина выйдет.

То, что артиллерист не трусил, понравилось комиссару. Озлобления у офицеров явно не было. Была полная и жалкая растерянность, которой сами офицеры стыдились. И то, что артиллерист обратился к комиссару на «ты», тоже было неплохим признаком. Пренебрежительное выканье было бы хуже. Ясно одно: офицеры помогать не станут, но и мешать не рискнут. Белыйшев усмехнулся артиллеристу.

— Навару с меня в ухе, конечно, поменьше, чем с тебя будет, — кинул он, тоже обращаясь на «ты» и как бы испытывая этим настроение. Если артиллерист обидится — значит, он, Белыйшев, ошибся насчет настроения. Но артиллерист не реагировал. Тогда комиссар отошел к дверям, захватив карту.

— Поскольку разговор зашел за нейтралитет, команда не считает нужным применять насилие. Воль-

ному — воля, а вам, господа офицеры, до выяснения обстоятельств придется посидеть под караулом. Прошу прощения... Что же касается корабля, авось сами справимся. Счастливо!..

Была полночь. На баке глухо зарокотал якорный шпиль, и канат правого якоря, заведенного в реку, натягиваясь, вздрагивая, роняя капли, медленно пополз в клюз.

Белышев стоял на мостике. Отсюда лежащий под ногами корабль казался громадным, враждебно настороженным, поджидающим промаха комиссара. Желтый круг от лампочки падал на штурманский столлик, на карту промера. Темный профиль Захарова, склонившегося над картой, четко выделялся на бумаге. Карандаш в крепких пальцах Захарова медленно полз по фарватерной линии и, казалось, готов был сломаться.

— Нет, — сказал вдруг комиссар злобно и решительно, — не выйдет эта чертовщина...

— Ты про что? — Захаров оторвался от карты и поглядел на Белышева.

— Пойми ты, чертова голова: если запорем корабль, что тогда делать станешь?

Захаров помолчал.

— А что будешь делать, если не выполним приказ Совета? Одно на одно... Так выходит, риск — благородное дело... Да ты не дрейфь, Шурка. Рулевых я лучших поставил. Орлы, а не рулевые. А я как-нибудь управлюсь. Насмотрелся за четыре года на дело, невеста какая мудрятина по ровной воде корабль провести.

Белышев выругался. Действительно, другого выхода не было. Если Серега берется, может, и выйдет. Парень он толковый.

Мостик затрепетал под его ногами. Очевидно, в машинном отделении проворачивали машину. Знакомая эта дрожь, оживлявшая крей-

сер, делавшая его разумным существом, ободрила комиссара. Он подошел к машинному телеграфу, нажал педаль и вынул пробку из переговорной трубы.

— Василий, ты? Здорово... Сейчас тронемся.

Крейсер уже отделился носом от стенки. Вода медленно разворачивала его поперек реки. Пора было давать ход. Белышев перевел ручку машинного телеграфа на «малый вперед». Палуба снова вздрогнула. В это мгновение на мостик выскочил из люка вооруженный винтовой матрос.

— Товарищ комиссар... Белышев! — закричал он.

— Чего орешь? — недовольно отозвался комиссар. — Тишину соблюдай.

— Товарищ комиссар! Арестованный командир просит немедленно прийти к нему.

— Черта ему, сукиному сыну, надо! — выругался Белышев. — Скажи — некогда мне к нему таскаться. Пусть ждет, пока операция кончится. Раньше надо было думать.

Матрос замаялся.

— Как бы чего не вышло, Белышев, — сказал он, потянувшись к уху комиссара. — Вроде, понимаешь, как не в себе командир. Плачет.

— Тьфу, анафема! — сплюнул Белышев. — Волоки его, гада, сюда. Сам понимаешь, не могу уйти с мостика.

Матрос нырнул в люк. Крейсер набирал ход, выходя на середину реки. Кругом была непроходимая тьма. Голос Захарова сказал рулевым:

— Вон Исаакия макушка поблескивает. На нее правь пока... Одерживай!

— Есть одерживать, — в один голос отозвались рулевые.

Минуто спустя на мостике появился командир в сопровождении конвоира. Шинель командира была расстегнута, фуражка висела на

затылке. Даже в темноте глаза командира болезненно блеснули.

— Я не могу,— заговорил он еще на ходу,— я не могу допустить аварии корабля. Я люблю свой корабль, я... я помогу вам привести его к мосту, но после этого прошу освободить меня от дальнейшего участия в военных действиях...

Белышев смотрел на искаженное лицо, слабо освещенное отблеском лампочки над штурманским столиком. Он хорошо понимал командира. Он мог бы много сказать ему сейчас. Но разговаривать было некогда. В конце концов, и это большая победа. И Белышев просто сказал:

— Ладно... Вступайте...

Лейтенант шатнулся, всхлипнул, но через секунду выпрямился, и голос его зазвучал по-командирски уверенно, когда он скомандовал рулевым, наклонившись над картой:

— Лево руля!.. Так держать!..

На середине реки внезапно налетел ветер, и хлынул проливной дождь. Все закрылось сетью мечущихся нитей. С мостика не стало видно полубака.

Сигнальщики, подняв воротники бушлатов, поминутно протирали глаза. Крейсер, извиваясь по фарватеру, медленно полз вперед. Мост должен был быть совсем близко, но впереди лежала та же непроглядная серая муть. Того и гляди, «Аврора» врежется в пролет.

— Мо-ост! — диким голосом рявкнул первый, угадавший в темени смутные очертания быков.

— Тише! — шикнул Белышев. — Весь город всполошишь.

Под рукой командира зазвенел машинный телеграф. Сначала «самый малый», потом «полный назад». Судорога машин потрясла крейсер.

— Отдать якорь!

Тяжелый всплеск донесся спереди. Резко и пронзительно завизжал ринувшийся вниз якорный канат. «Аврора» вздрогнула и остановилась.

Командир отошел от тумбы телеграфа и, закрыв лицо руками, согнувшись, пошел к трапу. Белышев не останавливал его. Теперь командир был не нужен.

— Проектор на мост! — приказал комиссар.

Над головой на площадке формарса зашипело, зафыркало, замигало синим блеском. Стремительный луч рванулся вперед, прорывая дождевую мглу. Выступили быки и фермы. Слева у берега крайний пролет был пуст.

— Разведен,— злобно вымолвил Белышев, стиснув зубы и сжимая в кармане наган. Он вспомнил фразу из приказа Совета: «Восстановить движение всеми имеющимися в вашем распоряжении средствами». Он шумно вздохнул и посмотрел вниз на поднявшиеся стволы носовых пушек. Они застыли, готовые к бою.

Белышев поднял к глазам тяжелый ночной бинокль. В окулярах мост выступил выпукло и совсем близко. Стоило вытянуть руку, и можно было коснуться мокрого железа перил. За ними жались ослепленные молнией прожектора маленькие фигурки в серых шинелях. Комиссар различал даже желтые вензеля на белых погонах гвардейских училищ.

Он опустил бинокль и снял с рапорки мегафон. Приставил его ко рту.

Мегафон взревел густым и устрашающим ревом.

— Господа юнкерье,— рычало из раструбы мегафона,— именем Военно-революционного комитета предлагается вам разойтись к чертовой матери, покуда целы. Через пять минут открываю по мосту орудийный огонь.

На мосту мигнул огонек и ударил едва слышимый одинокий выстрел. Пряча усмешку, Белышев увидел, как юнкера кучкой бросились к стрелявшему и вырвали у него винтовку.

Потом, спеша и спотыкаясь, они гурьбой побежали к левому берегу, к Английской набережной, и их фигуры потонули там, слизанные тьмой. Мост опустел.

— Вот так лучше, — засмеялся комиссар, поведя плечами. — Тоже вояки не нашего бога.

Он повернулся к Захарову и властно, как привыкший командовать на этом мостике, приказал:

— Вторую роту наверх с винтовками и гранатами. Катерá на воду. Высадить роту и немедленно навести мост.

Запел горн. Засвистали дудки. По трапам загремели ноги. Заскрипели шлюпбалки. Вытянувшись по течению, в пронизанном нитями ливня мраке «Аврора» застыла у моста, неподвижная, черная, угрожающая.

День настал холодный и ветреный. Нева вздувалась. Навстречу тяжелому ходу ее вод курчавились желтые пенистые гребни. Летела срываема порывами вихря водяная пыль.

Город притих, обезлюдевший, мокрый. На улицах не было обычного движения. С мостика линии Васильевского острова казались опустелыми каменными ущельями.

С левого берега катилась ружейная стрельба, то затихавшая, то разгоравшаяся. Иногда ее прорезывали гулкие удары — рвались ручные гранаты. Однажды звонко и пронзительно забила малокалиберная пушка, очевидно с броневи́ка. Но скоро смолкла.

Это было на Морской, где красногвардейские и матросские отряды атаковали здание главного телеграфа и телефонную станцию.

С утра Бельшев беспрерывно обходил кубрики и отсеки, разговаривая с командой. Аврорцы рвались на берег. Им хотелось принять непосредственное участие в бою. Стоянка у моста, посреди реки, раздража-

ла и волновала матросов. Им казалось, что их обошли и забыли, и стоило немало труда доказать рвущимся в бой людям, что крейсер представляет собой ту решающую силу, которую пустят в дело, когда настанет последний час.

Среди дня по Неве мимо «Авроры» прошла вверх на буксире кронштадтского портового катера огромная железная баржа, как арбузами, набитая военморами. Команда «Авроры» высыпала на палубу и облепила борта, приветствуя кронштадтцев, земляков и друзей. На носу баржи играла гармошка и шел веселый пляс. Оттуда громадный, как памятник, красивый сероглазый военмор гвардейского экипажа зарывал:

— Эй, аврорские! Щи лаптем хлебае? Отчаливай на берег с Керенским танцевать.

Баржа прошла под мост с гамом, присвистом, с отчаянной матросской песней и пришвартовалась к спуску Английской набережной. Военморы густо посыпали из нее на берег. Аврорцы с завистью смотрели на разбегающихся по набережной дружков. Но покидать корабль было нельзя, и команда поняла это, поняла свою ответственность за исход боя.

С полудня Бельшев неотлучно стоял на мостике. С ним был Захаров и другие члены судового комитета. Офицеры отлеживались по каютам, и у каждой двери стоял часовой.

В два часа дня запыхавшийся радист, влетевший на мостик, ткнул в руки Бельшева бланк принятой радиogramмы. Глаза радиста и его щеки пылали. Бельшев положил бланк на столик в рубке и нагнулся над ним. Через его плечо смотрели товарищи. Глаза бежали по строчкам, и в груди тепло с каждой прочтенной буквой:

«Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградско-

го Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!»

Белышев выпрямился и снял бескозырку. С обнаженной головой он подошел к обвесу мостика. Под ним на полубаке стояла у орудий не желавшая сменяться прислуга. По бортам лепились группы военморов, оживленно беседующих и вглядывающихся в начинающий покрываться сумерками город.

С точки зрения боевой дисциплины это был непорядок. Боевая тревога была сыграна еще утром, и на палубе не полагалось быть никому, кроме орудийных расчетов и аварийно-пожарных постов. Но Белышев понимал, что сейчас никакими силами не уберешь под стальную корку палуб, в низы, взволнованных, горящих людей, пока они не узнают главного, чего они так долго ждали, ради чего они не покидают палубы, не замечая времени, забыв о пище.

Он вскочил на край обвеса, держась за сигнальный фал.

— Товарищи!

Головы повернулись к мостику. Узнав комиссара, команда сдвинулась к середине корабля. Задранные головы замерли неподвижно.

— Товарищи,— повторил Белышев, и голос его сорвался на мгновение,— Временное правительство приказало кланяться... Большевики взяли власть! Советы — хозяева России! Да здравствует Ленин! Да здравствует большевистская партия и наша власть!

Сотней глоток с полубака рванулось «ура», и, как будто в ответ ему,

от Сенатской площади часто и трескуче отозвались пулеметы. Было ясно, что там, на берегу, еще дерутся. Белышев сунул бланк радиogramмы в карман.

— Расчеты к орудиям! Лишние вниз! Все по местам!

Команда хлынула к люкам. Скачиваясь по трапам, аврорцы бросали последние жадные взгляды на город. Полубак опустел. Носовые пушки медленно повернулись в направлении доносящейся стрельбы, качнулись и стали.

Опять наступила чернота октябрьской ветреной ночи. От Дворцового моста доносилась все усиливающая перестрелка. Черной и мрачной громадой выступал за двумя мостами Зимний дворец. Только в одном окне его горел тусклый желтый огонь. Дворец императоров казался кораблем, погасившим все огни, кроме кильватерного, и приготовившимся тайком сняться с места и уйти в последнее плавание.

Судовой комитет оставался на мостике. Офицеры по-прежнему сидели под арестом, кроме командира и вахтенного мичмана. Командир, прочтя радиogramму, сказал, что, поскольку правительству пало, он считает возможным приступить к выполнению обязанностей. Мичману просто стало скучно в запертой каюте, и он попросился наверх, к знакомому делу.

Стиснув пальцами ледяной металл стоек, Белышев не отрываясь смотрел в сторону петропавловских верков, откуда должна была взлететь условная ракета. По этой ракете «Авроре» надлежало дать первый холостой залп из носовой шестидюймовки.

Там было темно. Когда от дворца усиливался пулеметный и винтовочный треск, небо над зданиями розовело, помигивая, и силуэты

зданий проступали четче. Потом они снова расплывались.

Сзади подошел Захаров.

— Не видно? — спросил он.

— Нет, — ответил Бельшев.

— Скорей бы! Канителется очень.

Бельшев ответил не сразу. Он посмотрел в бинокль, опустил его и тихо сказал Захарову:

— Пройди, Серега, к носовому орудью, последи, чтоб на палубе не было ни одного боевого патрона. Потому что приказано, понимаешь, дать холостой, а ни в коем случае не боевой. А я боюсь, что ребята не выдержат и дунут по-настоящему.

Захаров понимающе кивнул и ушел с мостика. Бельшев продолжал смотреть.

Вдруг за Дворцовым мостом словно золотая нитка прошила темную высь и лопнула ярким белозеленым сполохом.

Бельшев отступил на шаг от обвеса и взглянул на командира. Глаза лейтенанта были пустыми и одичалыми, и Бельшев понял, что командир сейчас не способен ни отдать приказания, ни исполнить его. Мгновенная досада и злость вспыхнули в нем, но он сдержался. В конце концов, что требовать от офицера? Хорошо и то, что не сбежал, не предал и стоит вот тут, рядом.

И, ощутив в себе какое-то новое, неизведанное доселе сознание власти и ответственности, Бельшев спокойно отстранил поникшую фигуру лейтенанта и, перегнувшись, крикнул на бак властно и громко:

— Носовое... Залп!

Соломенно-желтый блеск залил полубак, черные силуэты расчета, отпрянувшее в отдаче тело орудия. От гулко-го удара качнулась палуба под ногами. Грохот выстрела покрыл все звуки боя своей огромной мощью.

Прислуга торопливо заряжала орудие, и Бельшев приготовился вторично подать команду, когда его схватил за руку Захаров:

— Отставить!

— Что? Почему? — спросил коммиссар, не понимая, почему такая невиданная улыбка цветет на лице друга.

— Отставить! Зимний взят! Но наш выстрел не пропадет. Его никогда не забудут...

И Захаров крепко стиснул коммиссара горячим братским объятием.

Внизу, по палубе, гремели шаги. Команда вылетела из всех люков, и неистовое «ура» катилось над Невой, над внезапно стихшим, понявшим свое поражение старым Петроградом.

НИКОЛАЙ НИКИТИН

ОКТАБРЬСКАЯ НОЧЬ

Искры паровоза жгли нас. Днем припекало солнце. Нас мочил дождь и сушил ветер. Мы ехали на крыше вагона. На пути от Мценска до Москвы двух человек сбило мостами. Но мы все-таки ехали. Это было в октябре 1917 года. Добравшись до Москвы, мы кое-как устроились в вагон, впихнулись. Ведь мы были не очень разборчивы, я и мой спутник Егор Петров. Мы были рядовыми Ольвиопольского полка. Наш полк был расформирован. Мы стремились в Петроград, о котором говорил весь мир. Я ехал домой, я в Петрограде родился. А у Егора были совсем иные причины для этой поездки. Да, когда я сейчас вспоминаю об Егоре, мне кажется, что я вспоминаю какую-то сказку. Егор говорил мне, что все солдаты должны ехать в Петроград, чтобы освободить Ленина из плена, что Ленин взят в плен капиталистами. Я с газетами в руках доказывал ему, что это его фантазия, что Ленин избежал ареста, что по решению партии большевиков он где-то скрывается. Но все мои доводы были бессильны. Егор даже не спорил со мной. Он хмурил брови и, сделав хитрые глаза, шептал мне, что все это брехня, что газеты нарочно замазывают это дело... Какось, впоследствии я понял Егора, но в ту минуту он казался мне даже не совсем нормальным человеком. Он почти не ел, не пил в течение по-

следних четырех суток, так он рвался в Петроград.

Мы приехали вечером.

Мы вышли с Николаевского вокзала на Знаменскую площадь. Высоко в небе метался зайчик прожектора. Этот таинственный огонек над необъятным, пустынным городом еще больше усиливал беспокойство. Гулкие и тревожные шаги Егора нарушали повсеместную тишину. Когда мы очутились у наших ворот, сердце мое сжалось от боли. Мы напрасно стучали. Три года жил я этой минутой возвращения, но всегда она представлялась мне совсем иной, чем сейчас. Я думал, что мы пройдем мимо нашего дома под музыку и соседи, увидев меня, побегут к матери, она бросится вниз по лестнице навстречу мне... Эти мечты, заимствованные из картин, из книг, требовали улыбок, восклицаний, объятий. Мы же, как воры, не могли попасть в глухо запертый, невзрачный дом на Полтавской улице, неподалеку от вокзала. Егор рассердился и саданул прикладом в калитку. Тогда из-за ворот мы услышали испуганный голос:

— Кто там?

— Свои... Солдаты! — басом ответил Петров. — Или ты откроешь, или мы тебе высадим ворота!

— А почему свои? — сказал уже другой голос, более молодой и нахальный.

— С третьего номера... — заторопился я, проговаривая все сразу. — Вернулся с фронта...

За воротами люди советовались. Наконец мы услышали скрип замка. Я вспомнил этот звук. Калитка открылась не совсем... Она была на цепи... Я увидел нашего домовладельца. Он старался рассмотреть незнакомого солдата.

— Здравствуйте, Семен Семенович... — сказал я.

Я назвал себя, старик ахнул и снял цепочку. Мы очутились в подворотне. Рядом со стариком стоял

мальчишка в драповом пальто и в студенческой фуражке. За плечом у него болталось двуствольное ружье.

— Вы что же, на уток собрались или на зайцев? — насмешливо спросил Егор.

Студентик сообщил, что они здесь караулят по приказу комитета спасения родины и революции.

— Да разве революцию спасают под воротами? Что это за комитет?

— В городской думе, — ответил студентик.

— Ах, вот почему весь город на запоре... Нашлись спасители! Народ обманывают... — пренебрежительно оборвал его Егор. — Эх ты... головка ловка! На головке просвещение, а в головке тьма.

И Егор так выругался, что студентик прислонился к стенке.

Мать согрела нам чаю, подала еды. Егор чувствовал себя прекрасно. Похоже было, что он давно дожидался этого приезда в Петроград. С азартом и увлечением он рассказывал старухе о наших фронтовых делах.

— Наступили торжественные времена, мамаша, — говорил он. — Ленин — народный человек, корень наш... И произрастет дерево, и зацвести должно... Вот ты жалуешься, мамаша, на разруху, а мы, солдаты Румынского фронта, рады тому...

Он не успел кончить фразы, как вздрогнуло и даже заныло оконное стекло.

— Восьмидюймовая... — прислушавшись, пробормотал Егор.

Моя мать перекрестилась.

— Большевики... Восстание у них сегодня.

— Сегодня? То-то я думаю... Помнишь, комиссар какой-то на вокзале собирал солдат... Я сразу почувствовал, будто что-то началось. Да ты меня заторопил: «Домой, домой!» Вот тебе и домой... А там уж начали! Конечно, с вокзалов начали. А мы домой... Вот дела! Эх,

парень, сбил ты меня... Значит, Ленин здесь! А ты говоришь — скрылся.

Егор побледнел и с укоризной посмотрел на меня. Потом, сомкнув брови, он встал и резко отпихнул от себя табуретку.

— Довольно возились тут с чаями... Пойдем! — приказал он мне.

Мать испугалась:

— Куда же вы, Егор Петрович?

— На улицу! За тем ехали!

Мне не очень хотелось оставлять тепло, свет... Оторванный от всего этого, я по-иному жил на фронте. Там нечего было жалеть. Жизнь была там грубей гвоздя.

— Город покажешь, — глухо проворчал Егор.

Очевидно, он понял, о чем я думал...

Я выбежал из комнаты, мать кинулась за мной. Егор неодобрительно посмотрел на нас обоих. Потом, войдя вслед за нами в кухню, он дотронулся до моего плеча и подтолкнул меня к старухе:

— Все-таки одна ведь на всю жизнь... Простись...

Я чмокнул мать. Он же по-настоящему обнял ее. Она заплакала. Мне сделалось стыдно, я поскорее взял винтовку, и мы ушли.

В темноте на Старом Невском мимо нас шмыгнул какой-то солдат. Егор ловко схватил его за плечо:

— Пстой, товарищ... Какого гарнизона?

— Петроградского... Из третьего Финляндского полка.

Парень поправил папаху.

— Ты знаешь... где сейчас Ленин?... — неожиданно спросил Егор, не выпуская парня из рук.

— Не... не знаю.

— Что это такое? Петроградский гарнизон и ничего не знает.

— Я молодой еще... — оправдывался парень; он глядел на Егора изумленными глазами. — В Смольный, поди... Делегаты все наши в

Смольном всю ночь будут. Там все известно...

Парень принялся объяснять, но Егору уже неинтересно было слушать... Он потянул меня, и мы зашагали дальше, оставив на перекрестке удивленного солдата. Егор часто снимал фуражку, вытирал пот, какие-то мысли томили его. Он требовал, чтобы я вел его самым кратчайшим путем.

Я не узнал Смольной площади. Она превратилась в вооруженный лагерь. Грузовики привозили ящики с наганами. Прямо с грузовиков раздавались патроны и оружие красногвардейским отрядам. Баррикады из дров были сложены около Смольного. В саду собирались люди. Некоторые тут же учились револьверной стрельбе. У главного входа стояли орудия. Кто-то тащил в коридор пулеметы. Броневики тарахтели под деревьями, наполняя воздух отработанным, удушливым газом. Длинный Смольный в сизом холодном тумане своими ярко горящими окнами напоминал огромный корабль. Красногвардейцы сказали нам, что в Большом колонном зале идет Второй съезд Советов.

— И Ленин там? — тихо, даже заикнувшись от волнения, спросил Егор.

— Конечно, — коротко ответил рабочий в меховой шапке.

Грудь у него была опоясана пулеметной лентой крест-накрест. Нервные, быстрые глаза внимательно скользили по Егору, но, успокоившись, он усмехнулся и сказал с какой-то особенной теплотой:

— Там батька... Работает... Но только здесь стоять нельзя, проходите, товарищи.

— Я пойду туда, — шепнул мне Егор.

Я попытался его отговорить:

— Тебя же не пустят!.. Видишь, караул у всех спрашивает пропуск.

— Нет, я пойду... Меня пропустят.

Кто бы мог удержать Егора?.. Какая сила? Он исчез, попросив меня ждать его полчаса...

— Стой там! — сказал он мне.

Я стоял больше часу у деревянного трактира «Хижина дяди Тома», на противоположной стороне огромной Смольнинской площади. Сюда красногвардейцы и солдаты забегали согреться стаканом жидкого чая. Площадь была черна от людей и машин.

Петроград слушал отдаленные раскаты выстрелов. Я думал, что мне уже не встретить Егора. Но он, как всегда, появился внезапно. Расхлябанная машина вдруг заскрежетала, остановилась, обдав меня клубами черного густого дыма. Сверху, точно с темного неба, я услышал веселый голос Егора:

— Едем... Садись.

Чьи-то руки помогли мне взобраться. Грузовик дернулся. Я упал на кого-то... Нырять и качаясь, мы бешено неслись по улицам.

Егор крепко стиснул меня и, торжествуя, прокричал в ухо:

— Видел... Ленина видел!

Наш отряд был отправлен к Летнему саду. Здесь грузовик нас сбросил и опять умчался в темноту.

На берегу Лебяжьей канавки горели костры. Молчаливые полуобнаженные деревья еще более подчеркивали необычайность этой звездной и почти безветренной ночи. Редкие тучи приклеились к небу. Люди говорили шепотом и грели над огнем руки. Разговоры были самые простые.

— У нас сегодня стирка... — задумчиво сказал один из красногвардейцев, молодой парень в новой кожаной тужурке. Когда он двигался, она хрустела и сладко пахла, точно яблоко.

— Мыло-то достали? — поинтересовался Егор.

— Мыло есть... Все из дому ушли. Папаша мой с Путиловца,

брат двоюродный да я... Ну, матери одной скучно.

— Понятно.

Егор вздохнул и голой рукой, не боясь огня, вытащил из костра уголек.

— Никого я так не жалею, как женщин, — точно самому себе сказал Егор, закуривая. — Вот мы приставили их к корыту, царствуй у корыта. Вот твоё счастье...

— погоди, скоро забунтует баба, — с тяжелой и лстивой ноткой в голосе произнес пожилой рыжий ратник. Выгоревшая фуражка сохраняла еще след от ополченческого креста. Он сидел на корточках, впившись взглядом в горящие головни, будто потеряв что-то в костре.

Егор спросил его:

— Какой губернии?

— Вологодские.

— Бабу-то небось согнул в бараний рог?

— Мы воевали... — уклончиво отозвался ополченец.

— Воевали! — заспорил Егор. — А баба твоя не воевала? Сколько у тебя ребят?

— Пяток набрался.

— Видишь... пять ртов! Пять душ! Надо было отвоевать их, пока ты на службе.

— Верно сказано... — горячо подержали остальные. — Бабам в наши времена не легко пришлось.

Но ополченец не сдавался:

— Баловства тоже много пошло, избаловалась баба.

Егор покраснел и цыкнул на него:

— А ты не баловал? В Галиции по сеновалам не валялся?

Все захохотали. Захохотал и сам ополченец, засунув руку под фуражку.

— Мне что... Я — как ветерок.

— Вот и видно, что все мы ветерки. Покрутил и улетел... А кто виноват? Баба же...

— Верно... — опять поддержали Егора. — Скоро и баба свое спросит.

Один только ополченец еще пытался сопротивляться.

— погоди, дело не в этом, — говорил он. — На германский фронт меня погнали, я шел! А сюда я пришел добровольно. И ты, и он, и все мы пришли добровольно. Здесь наша воля. За Советскую власть идем. За мир и пострадать можно... А где баба? Почему ее здесь нет?

Егор разозлился:

— Да ведь ты же оставил ее у корыта... погоди да погоди... Я погожу, и ты погодишь... А время не погодит. Придет время, когда наша баба станет уже не тем, чем была. Будет она вольная. И вот такие, как ты, сознательные на четверку табакку, поклонятся ей в ножки... Вот какая баба вырастет! Вот и за это, помимо всего прочего, мы сейчас идем... идем по чувству, чтобы всю жизнь перевернуть... Понимаешь!

Люди взглянули на Егора. Догорели костры. Стихла беседа.

Мы посматривали вдаль, ожидая ординарца. Наш командир, опустив голову, спокойно похаживал в стороне от нас. Это не понравилось Егору. Он подозрительно следил за ним. Наконец не вытерпел, задал ему какой-то вопрос. Тот ответил неохотно, односложно. Егор чиркнул спичкой.

— Ребята... — крикнул он, осмотрев командира. — Это бывший человек!

Народ обступил их. Офицер испугался. Хриплым голосом он очень длинно и путано пытался объяснить, что в эту ночь ему хотелось своей кровью искупить все грехи перед народом.

— Какие грехи? — Егор неодобрительно крикнул. — О каких грехах мы будем говорить? Расквакался, что старая баба. Ты лучше объясни, почему мы здесь сидим и ждем у моря погоды... Что мы пришли, площадь сторожить?

Красногвардейцы зашумели и увели офицера к Фонтанке. Мы

двинулись к пыльному, голому Марсовому полю. Маленький бронзовый Суворов глядел на север. Мимо нас, пересекая огромнейшую площадь, проскакали галопом две батареи.

— Константиновское училище отступает... — сказал кто-то.

Мы увидели только спины ездо-вых-юнкеров.

Егор находился в голове отряда. Мы поравнялись с длинным строгим зданием Павловских казарм. Лепные орлы, раскинув крылья, приготовились упасть с фронтона. По пустым и черным окнам видно было, что в казармах не осталось ни души. Стрельба у Зимнего дворца усиливалась. На углу мерз часовой Павловского полка, кутаясь в короткую пехотную шинель. Мы прошли мимо него, невольно прибавив шаг. Штабной пикет направил нас в сторону Мойки. Везде густой цепью держались вооруженные рабочие и воинские батальоны. Было тесно. Несмотря на это, отряды в торжественном порядке ждали своего часа. Лица, настроение, камни, здания, вся эта ночь, нависшая над столицей, говорили об одном, чтобы нас скорее послали на штурм дворца. Перестрелка внезапно стихла. Мы ждали криков наступающего отряда. Их не было. Где-то рядом, почти за нашей спиной, захопал пулемет. Тревога оказалась ложной. Это автомобиль перекатился через горбатый мост канала, стреляя мотором. Медленно пробравшись сквозь наши ряды, он задел нас лучом своей единственной фары.

Три человека прошли вдоль чугунных перил Мойки. Разглядывая нас, они подошли к автомобилю. Затем один из них, коренастый, в шинели и с трубкой в зубах, отделился от своих и пригласил к себе командиров всех отрядов. Я не слышал, что он сказал Егору, но вслед за этим Егор велел нам построиться. У Певческого моста он разделил нас на три цепи. Я остался в пер-

вой, стараясь не терять Егора из виду.

Александровская колонна подымалась в небо как черная свеча. В Зимнем, скрывавшем старое правительство, то загорались, то тухли огромные окна, как будто люди, спрятавшиеся за ними, увлеклись какой-то странной и непонятной игрой.

К правому и левому флангу Дворцовой площади, одной из лучших в мире площадей, часто подъезжали автомобили революционного штаба. Были сирены броневиков. Люди набрасывались на каждую машину, желая первыми узнать все новости из Смольного. Под высокой красной аркой Росси, за поворотом, на Морской пылали яркие костры, освещая мраморный фасад какого-то банка. Солдаты сидели около костров, сжавшись в кучу.

Из-за дворцовых баррикад, делая короткие передышки на перемену ленты, взвизгивали пулеметы. Цель представлялась нам близкой. Каждый из нас надеялся живьем взять Керенского... Отовсюду доносились голоса наших отрядов. Они стягивались кольцом вокруг Зимнего. Площадь шумела точно море. В Александровском саду кто-то зажег факел, озарив кружевные сучья лип. Может быть, это было сигналом, так как сейчас же ответила наша артиллерия с Петропавловской крепости. Егор приподнялся. Тень его под голубым прожектором на мгновение пересекла стену гвардейского штаба.

— С именем Ленина вперед! — крикнул он.

Я не помню, как это было сказано... Но даже теперь мне вспоминается голос Егора, который я услышал среди тысячи людей, гудевших около нас точно огромный улей.

Мы выскочили из-под арки.

Открылись ворота дворца. Юнке-

ра выкатили два орудия. Егор отправил свои цепи навстречу им. Работая винтовкой, мы прорвались к воротам и, опрокинув противника, кинулись в подвал, на лестницу, думая оттуда проникнуть дальше, внутрь дворца, и тут наткнулись на огонь засады.

В подвальной тьме мы еле-еле различали друг друга. Часть бойцов осталась в подвале, часть последовала за Егором в коридор первого этажа, тускло освещенный электричеством. Там на полу вдоль окон на грязных матрасах лежали юнкерские роты. Пахло нечистотами и потом. Всюду валялись объедки, мусор, окурки, пустые бутылки из-под старого французского вина. Юнкера пограбили дворцовый погреб.

Среди юнкеров стоял дворцовый слуга, низенький, седой швейцар в длинной темно-синей ливрее, обшитой золотым галуном. На золоте воротника были вытканы черные императорские орлы. Бритые, впавшие, почти черные от ужаса губы бормотали что-то по привычке, по инерции:

— Господа юнкера, так же нельзя... Это воспрещено, господа...

Старик закрыл глаза, как будто душа его не могла вынести всего этого развала. Молодые люди, полусолдаты, полуофицеры, с блестящими шевронами на погонах, именно те, кого он привык считать защитниками порядка, превратили дворец в помойку и толпились здесь точно свиньи.

Юнкера, перепугавшись красногвардейцев и солдат, бросили оружие. Другие решили удрать. Егор не преследовал их. Он ждал, когда к этому месту подтянется весь его отряд... Из группы юнкеров вышел молодой изящный прапорщик. Угадав в Егоре командира, он отдал ему честь.

— Соппротивление бессмысленно, — сказал он и предложил Егору проследовать вместе с ним в штаб Зимнего дворца.

— Зачем? — спросил Егор.

— В качестве парламентаря, — ответил прапорщик. — Мы сдадимся... Насколько мне известно, вы же не хотите зря лить человеческую кровь... Мы — тоже!

Прапорщик покраснел. Егор поверил этой детской коже и голубым глазам, в которых можно было прочесть страх и надежду. Егор задумался только на минуту, внезапно его окружили юнкера, и так же внезапно ими была открыта стрельба из-за угла вдоль коридора. Мы кинулись к лестнице, отстреливаясь на ходу.

К утру бой стих. Советская власть победила. На площади среди булыжника валялись расстрелянные патронные гильзы и разорванная пополам буханка хлеба. Арестованных министров повели по набережной в Петропавловскую крепость. Мы хотели тут же рассчитаться с ними, но моряки нам не позволили. Часовые уже несли караул около дворца. В садике, за оградой с царскими вензелями, лежали убитые в эту ночь матросы, солдаты и красногвардейцы. Их было немного. Здесь я нашел Егора. Глаза широко раскрыты, брови высоко подняты. Я увидел взгляд — чистый и спокойный.

Несколько лет назад совершенно случайно мне довелось встретить человека, видевшего смерть Егора. Он сообщил мне все подробности этого предательского убийства.

Обезоруженного, избитого Егора поставили к длинному столу, покрытому тонким красным сукном. Маленький бронзовый шандал с двумя зелеными шелковыми колпачками выхватывал из тьмы незначительный кусок почти пустого кабинета.

Инженер Пальчинский, облеченный особыми полномочиями Временного правительства, чувствовал себя диктатором Петрограда. Он сидел за столом, поминутно огляды-

ваясь на окружавших его царских офицеров и генералов. Полувоенная форма нравилась ему. Он наслаждался ею. От измятого дорожного френча пахло шипром. Пальчинский нехотя задержал на Егоре свой рыхлый, рассыпающийся взгляд.

— Ну-с... Что скажете?

Егор молчал.

Брезгливо постучав ладонью по столу, Пальчинский обратился к маленькому вертлявому толстяку в генеральских погонах:

— Меня забавляет одно, ваше превосходительство... На что надеется эта кучка? Ведь через несколько дней все равно мы задавим их.

Егор посмотрел на Пальчинского как на сумасшедшего. Багратуни, ничего не ответив, безразлично выпятил губы. Он стоял у окна, выходящего на площадь. Там вспыхивали выстрелы.

— Россия с нами,— как будто для себя, твердо и тихо сказал Егор.

Тогда оба они, и Багратуни и Пальчинский, обернулись к Егору.

— Разве вся Россия — солдаты? — спросил Пальчинский, и его губы изобразили что-то вроде ядовитой улыбки. Вопросы служили

Пальчинскому только предлогом. Очевидно, командир восставших отрядов вызывал в Пальчинском просто экзотическое любопытство и ненависть.

— Россия с нами...— повторил Егор.

— Вы знаете, что вам грозит?

— Что? — Егор усмехнулся.

— Вы ведь офицер?

— Нет.

— Нет? Обыкновенный солдат?

В голосе у Пальчинского прозвенела удивленная нотка, и он даже помог себе жестом.

— Рядовой Егор Петров... Так именует устав! — усмехнулся снова Егор.— Вот что, ваше благородие... Или по-благородному кончайте лавочку, тогда действительно пошлите меня парламентаром, или...

Тут он широко и гордо взмахнул рукой.

— А между прочим, что бы со мной ни случилось, вам-то определенно могила! Теперь мы говорим всему миру.

Пальчинский дернул губой, вскочил.

Адъютанты Багратуни вытолкнули Егора. Они кончили его двумя выстрелами, здесь же, возле высокой белой колонны.

АЛЕКСЕЙ МУСАТОВ

КАТЕРИНА

Долго ехала Катерина Вишнякова в Питер, к мужу.

Поезд, как казалось Катерине, днем шел осторожно, с опаской, ночью же мчался во весь опор, оглашая топкие поля угрожающим криком, потом, резко и неожиданно затормозив, подолгу стоял на каком-нибудь полустанке.

Пассажиры почти не спали.

На остановках они выбегали из вагонов, потом возвращались с серыми газетными листами и, стоя в тамбуре у окон, взволнованно и бурно спорили.

Катерина с детства побаивалась железной дороги, и сейчас возбужденное поведение пассажиров остро тревожило ее, заставляло думать о крушениях, несчастьях, изувеченных людях.

На соседней с Катериной полке ехал светлоглазый старичок, очень подвижный и суетливый. На каждой остановке он выбегал из вагона и, возвратившись, почему-то заговорщически подмигивал Катерине:

— Ну, мать, радуйся...

Катерина сокрушенно вздыхала, но светлоглазый старичок ей чем-то нравился.

«Хорошая душа, простая», — думала она, а потом, достав из узелка хлеб и жареную рыбу, угостила старичка.

Тот сказал: «Спасибочко, сыт», — но все же подсел ближе и взял кусочек рыбы.

— А рыбка хороша... царская... — похвалил старичок, выбирая косточки.

— Архирейская, — поправила Катерина и, заметив удивление старичка, пояснила: — Озеро мы забрали у архирея. Было у нас такое — в нем даже купаться не дозволялось без аренды. Дело-то, правда, не с озера началось, с землицы... Ждали мы, ждали, какое же распоряжение насчет земли выйдет, да и поделили помещикову землю... Вы кушайте рыбку-то, кушайте...

Катерина оглянулась, понизила голос:

— А теперь и опасаемся — по округе-то каратели ходят, как в пятом годе... Меня братья потому и в Питер послали, к мужу за советом, — муж-то у меня кузнецом на Путиловском. И что теперь мужику с землей делать?..

Поезд, резко затормозив, вновь остановился. Старичок поспешил к выходу. Вернулся он минут через двадцать.

— Опять в поле стоим... Крушение, что ли, где? — встревоженно спросила Катерина.

— Крушение... Всему, мать, российскому гнету крушение... — Старичок сделал выразительный жест рукой и опять почему-то возторженно подмигнул Катерине.

Наконец к полудню поезд пришел в Петроград.

Катерина, крепко сжимая в руке фанерный чемодан с гостинцами мужу, вышла на площадь.

Моросило. Дул резкий, пронзительный ветер. По улицам шли отряды вооруженных людей. Обдавая прохожих грязью, мчались грузовики, наполненные людьми в кожанках, пиджаках, шинелях.

«И солдат с ружьем, и не солдат с ружьем. И что война с народом делает!» — подумала Катерина. Она осторожно пересекла улицу и стала дожидаться трамвая.

Катерина дважды была в Питере и знала, как доехать до квартиры мужа. Вот сейчас подойдет трамвай

№ 4, она сядет поближе к кондуктору, подаст ему бумажку с адресом, и кондуктор укажет, где ей сойти. А там уж совсем недалеко и квартира мужа.

«То-то Василий обрадуется. Только бы застать его дома, не ушел бы он в ночную смену».

...Кондуктор мельком поглядел на бумажку и вернул ее Катерине:

— До заставы не едем.

— Да нет, адресок верный, — не поняла Катерина.

— Говорю, до заставы не едем. Юнкера через мост не пускают.

Катерина растерянно заморгала глазами, зачем-то крепче сжала чемодан коленями.

Какая-то женщина посоветовала Катерине пойти пешком.

— Пеших через мост, кажется, еще пропускают.

В переулке стоял извозчик. Лошаденка уныло опустила голову, извозчик схоронился от измороси под поднятым верхом пролетки.

Катерина, вывернув карман юбки, сосчитала оставшиеся у нее деньги и просительным взглядом заглянула в пролетку:

— Почтенный, подвезли бы малость... — Она протянула бумажку с адресом.

Извозчик назвал цену.

Катерина укоризненно покачала головой:

— Бога побойтесь... Далеко ли тут ехать.

— Теперь, мать, не с версты берем... Смотри, на улицах завируха какая.

Катерина медленно побрела к мосту.

С звонким цоканьем промчался конный отряд вооруженных и хорошо одетых людей.

Начищенные до лоска сильные ноги коней обдали пешеходов грязью.

Пешеходы отпрянули к тротуару, притиснули Катерину к стене.

Пожилой, рабочего вида человек

в тощей засаленной кепке стер со щеки ошметок грязи и зло отплюнулся.

— Катаются... — кивнул он Катерине на конников. — Пусть их напоследочках...

В ту же минуту со стороны моста раздались одиночные выстрелы. Пешеходы повернули от моста назад. Побежали, тесня и толкая друг друга.

Катерина, схватив чемодан, побежала вместе со всеми. Сосед в кепке ухватил ее за рукав:

— Сомнут же, мамаша... Давай-ка сюда. — Он почти силой втащил ее в открытые ворота какого-то дома.

— Похоже, матросы юнкеров с моста выбивают. Понятное дело... Я ж говорю, покатались — и хватит...

Ветер сипло выл под аркой дома.

Катерина зябко куталась в отсыревшую одежду.

— На фронте война, в деревне у нас драка, и у вас в Питере из ружей палят — и когда конец этому будет?

Человек в кепке не слушал. Поднявшись на носках, он напряженно смотрел в сторону моста, ждал исхода перестрелки. Выстрелы у моста участились.

— Да... Крепко схватились... Пойдем, мамаша... Тебе куда? За мост?

— Туда... к мужу приехала. Муж у меня на Путиловском... кузнец...

— Ну, так ищи по новому адресу. Сегодня у всех новая профессия — Зимний гвоздить будем.

Человек в кепке провел Катерину проходным двором и посоветовал пробраться к квартире мужа через другой мост, который еще с вечера заняли красногвардейцы.

Катерина шла и шла. Часто встречались патрули, заставляли возвращаться обратно, колесить по переулкам. Катерина устала, про-

дрохла, чемодан казался непомерно тяжелым.

Переулочек вывел Катерину на какую-то широкую улицу. На торцовой мостовой толпилось много матросов, солдат, рабочих с ружьями и без ружей. Вдруг Катерина услышала песню.

Посредине улицы шел отряд Красной гвардии. Молодые рабочие обмотались крест-накрест пулеметными лентами, за поясом торчали нагааны, пожилые легко несли за плечами винтовки; карманы были туго набиты патронами.

Песню вели сосредоточенно, негромко, но сильно, и боевые памятные слова ее звучали в эту минуту особенно проникновенно.

Свергнем могучей рукою
Гнет роковой навсегда
И водрузим над землею
Красное знамя труда!

Катерина выпустила из рук чемодан, забыла про холод, про морозящую водяную пыль и слушала, слушала. Ведь эту же песню мужики пели в деревне, после того как разделили землю помещика Репинского.

В толпе стало тихо.

— Хорошо путиловцы поют... С верой... — сказал кто-то рядом с Катериной.

Катерина вздрогнула, и вдруг ей показалось, что в середине отряда шагает муж.

Она кинулась вслед за отрядом. Ну да... это он, Василий. Широкие плечи, примятый порывевший картуз, пушистые усы...

— Вася! Василь Митрич... — крикнула Катерина. Она бежала вдоль тротуара, толкала людей чемоданом, пока не прорвалась через толпу к отряду. Но муж был уже далеко.

Неожиданно кто-то ухватил ее за руку:

— Тетя Катя... — Это был подручный Василия по работе, живший с ним в одной комнате. — Что такое?.. Откуда?

— Миша... господи, что вы тут с Василием делаете?

— Гм... Зимний идем брать... революцию делаем...

— Ружья, ружья-то зачем?

— Говорю ж, Керенского вышибать будем... А вот ты зачем здесь?

— К Василию приехала... Дело есть... Миша, да какие же вы солдаты с Василием?..

— Теперь все солдаты...

— Мишенька... Убьют же вас... — Катерина цепко ухватила Мишу за рукав.

Тот, заметив недоуменные взгляды соседей, разжал вцепившиеся руки Катерины и легонько оттолкнул ее.

— Тетенька... идите домой... я же через вас с ноги сбился... идите!

Сквозь слезы Катерина видела, как Миша, обернувшись, кивнул ей головой, потом поправил пулеметные ленты на груди и выровнял шаг.

— Тоже за Зимний, мамаша? — засмеялся какой-то матрос, ударившись коленкой о Катеринин чемодан.

— Она в распоряжении Смольного... — подхватил шутку другой матрос.

— Вы это оставьте... веселые, — подошел к матросам рослый бородатый солдат. — Видите, баба с колеи сбилась. Слушай, мать, куда тебе к дому-то?

— За мост надо... К мужу из деревни приехала, а он...

— Как там у вас? — Солдат придвинулся ближе. — Сиротно?

— Муторно. Правды нет, хлеба нет...

— А земля, земля у кого?

— У кого земля? — вытерла Катерина слезы. — У кого была, у того и осталась — у помещика Репинского. И он, этот помещик Репинский, над нами же издевку устраивает: луга не косит, коров удойных на мясо бьет, рожь скотом травит: «Мое добро... я ему бог, я ему

царь...» А у мужика сами знаете сердце какое...

— Ну... — торопил солдат.

— Именье и подпалили... рожь по едокам роздали... Землицу тоже по едокам.

Солдат повеселел лицом, поправил шапку, победно посмотрел на подошедших товарищей.

— Гоже... толково поступили, толково... Да вам же теперь жить не тужить...

— Жить бы можно, — вздохнула Катерина, — да вот бумагу из волос-ти прислали — вернуть все добро помещику...

— Обратно? — поразился солдат.

— А не вернешь, карателей при-шлют. В Родниках, говорят, мужи-кам за самоуправство каратели та-кое прописали... чище пятого года.

— Родники... это какого будет уезда? — быстро и глухо спросил солдат.

Катерина назвала уезд.

— Тверской губернии?

— Тверской.

Солдат вдруг торопливо начал свертывать папироску — бумажка на закурку оторвалась неровным кли-ном. Солдаты кругом переглянулись.

Зазвучали отдаленные выстрелы. Начало смеркаться. Передали команду строиться. Бородатый сол-дат взял Катерину за плечи:

— Мамаша, на мост вот этим пе-реулочком выбирайся. А у нас тут последний разговор будет с времен-ными... Про все разговор... и о земле между прочим. — И солдат, зло вскинув на плечо винтовку, встал в строй.

Катерина долго провожала гла-зами уходящие к Зимнему отряды красногвардейцев и солдат, вытира-ла слезившиеся от холода глаза и шептала:

— Поговорите там, ребята, сурь-езно поговорите.

Перестрелка вдали стала чаще, злее.

Катерина не помнила, сколько времени проблуждала она по пере-улкам, а к мосту так и не могла пробраться.

Усталая, она присела у подъезда высокого, из серого камня дома.

Вдоль панели молодой паренек вел под руку пожилого человека и уговаривал его:

— Пусти винтовку-то, Трофи-мыч...

— Обидно-то как, парень... — жаловался Трофимыч. — Два раза всего и пальнул по юнкерам, и под-били меня, свинячьи дети...

Трофимыч вдруг покачнулся и всем телом навалился на паренька. Тот оглянулся по сторонам, заметил прикорнувшую у подъезда женщину и позвал:

— Тетка, помогай...

Катерина подошла.

— Миша, опять ты, — перепуга-лась она, узнав в пареньке подруч-ного своего мужа. — Кого это по-стреляли? Васю?..

— Жив Вася... Трофимыча юн-кера подбили.

Вдвоем они донесли раненого до подъезда, положили на ступеньки. Катерина наклонилась.

Трофимыч глухо мычал от боли.

— В дом бы внести... — вслух подумала Катерина.

— Далеко дом, верст пять... кровью изойдет...

— Да вот дверь... стучи...

Миша смущенно оглядел высо-кий подъезд, тяжелую резную дверь, массивную литую ручку.

— Стучи, стучи... худо ж чело-веку. — Катерина заметила нерешительность Миши и осердилась: — Тоже «революцию делаю»... И зачем тебе ружье дали? — Она поднялась и постучала в дверь кулаком.

Долго не открывали.

Тогда, осмелев, Миша грохнул в дверь подбитым подковками каб-луком.

Дверь наконец приоткрыл дрях-

лый седой швейцар и заявил, что пускать никого не велено.

— Именем революции... — высоким срывающимся голосом крикнул Миша и потянул дверь к себе. — Открывай, открывай!

Вдвоем с Катериной они внесли Трофимыча в переднюю, положили на диван.

Катерина раздобыла воды, достала из чемодана холщовое полотенце, что везла Василию, скоро и ладно сделала перевязку.

Трофимыч слабым голосом бормотал:

— Вот жалость какая... подбились... — Потом забылся.

— А ты нишкни... всех не побьют... там еще Василий мой... — утешала Катерина и, заметив с беспокойством заглядывающего в окно Мишу, кивнула ему:

— А ты ступай... доделывай дело-то... Я покараулю тут.

— И то, тетя Катя, — обрадовался Миша, взял Трофимычеву винтовку и шагнул к выходу. От двери строго погрозил стоящему в углу швейцару: — Ты наших тут не обижай... Я еще вернусь.

Катерина сидела у изголовья Трофимыча, думая о Василии, Мише, бородатом солдате с улицы, о всем сегодняшнем редком, забываемом дне.

Незадолго до полуночи «Аврора» ударила по Зимнему. Загрохотали пушки с Петропавловской крепости.

— По дворцу бьют, — перекрестился швейцар и дрожащими руками принялся затягивать окна шторами.

— Погоди завешивать-то, — припала Катерина к окну.

...Далеко за полночь Миша привел Василия.

— Гляди и радуйся... Красная сестра милосердия. — Он показал на Катерину.

Катерина обмерла, потом, вскрикнув, кинулась мужу на грудь:

— Живой... Вася... целый?

Василий засмеялся, обнял жену.

— Ну, Катя, поцелуемся... с праздничком тебя... каюк Временному...

— С утра до тебя добираюсь, Вася, — пожаловалась Катерина. — С ног сбилась... Я к тебе от мужиков... с поручением. Да ты проголодался, поди?

Катерина выложила на стол рыбу, хлеб.

— Те-те... А рыбка-то знакомая, — испробовав рыбы, удивился Василий. — Да ведь это ж карп из архиерейского озера. Каким это манером, Катя?

— Да уж таким. Позабрали мы озеро...

— И правильно сделали. Ну, а землю?

— И землю... Мне, Вася, лошадь с барской конюшни выдали — сытую, холеную; Лукашке, брату, плуг достался... Вот опасаемся только, как бы каратели не понаехали... В Родниках мужикам за самоуправство они такое прописали...

— Какие теперь каратели? — осердился Василий. — Мы что ж, в шутку Зимний-то брали?

Василий поднялся, поправил усы.

— Вот что, Катя! Поедешь с Мишей домой. И Трофимыча отвезете. А я в Смольный... Там сейчас съезд начинается... рабочих и крестьян. Ленин говорить будет... о мире, о земле...

— Ленин! — всполошилась Катерина. — Мужики тоже и о Ленине просили узнать. Вася... — она лъстиво заглянула мужу в глаза, — хоть бы одним глазком глянуть... какой он из себя.

— Ой, хитра, — крикнул Василий. — Где ж я тебе пропуск в Смольный достану? — Но, заметив умоляющие глаза жены, нахмурился и махнул рукой: — Давай, пошагали. Еще опоздаем...

АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВ

ВОССТАНИЕ

1

Весь день Акимка прожил в каком-то восторженном полусне, не разбираясь хорошенько, что творится кругом, почему затеялся бой и нужно ли идти. Темная жажда диковинного, каких-то чудесных возможностей и ярких приключений, что живет в душе каждого юнца, толкнула его пойти в бой. А потом ведь на Пресне шла вся молодежь. Не отставать же такому молодцу, как Акимка. Все товарищи идут, значит... И пошел!

Еще рано утром у ворот фабрики, куда сбежались напуганные ночной стрельбой рабочие, по-настоящему не проснувшиеся, на летучем митинге помощник мастера Леонтий Петрович, хмурый и серьезный, отрывисто говорил:

— Решительный день настал, товарищи! Ежели буржуи победят, пропали все наши свободы и завоевания. Все берись за оружие. Может, такого случая больше не представится. В бой, товарищи!

Те, кто постарше, молчали и хмурились, не могли, должно быть, разобраться. А молодежь отвечала решительно:

— В бой! Долой буржуев! Смерть буржуям!

Акимка привык уважать и слушаться Леонтия Петровича. Серьезный человек. Твердый. Раз говорит, — дело говорит. А главное, подраться можно... И вместе с тол-

пой, распевая буйную «Варшавянку», Акимка пошел от ворот фабрики в клуб — записываться в Красную гвардию.

Записывались в штабе у заставы. Слово «штаб» было мелом крупно написано прямо на филенке темной входной двери.

Записывались без всяких формальностей. Незнакомый молодой рабочий в черной, смятой, как блин, фуражке, сдвинутой на затылок, с испитым серым лицом (папироса в углу рта) записывал в синюю ученическую тетрадь имена тех, кто приходил.

— Фамилия? — отрывисто спросил он, когда Акимка, с сильно бьющимся сердцем, застенчивый, будто связанный по рукам и ногам, очутился перед его столом.

— Аким Розов! — хрипло ответил Акимка.

— С какой фабрики? — опять спросил рабочий, не поднимая от тетради глаз.

Акимка сказал.

— Номер винтовки? — тем же тоном бросил рабочий.

— Чего? — спросил Акимка, не понимая вопроса.

Но на это рабочему ответил солдат, стоявший у груды винтовок, сваленных на полу здесь же, у стола.

Солдат назвал какую-то длинную цифру и сунул растерявшемуся Акимке в руку винтовку.

— Иди к тому столу, — сказал он, показывая рукой в глубину комнаты, где у другого стола толпились рабочие уже с винтовками в руках.

Акимка, широко улыбаясь, крепко держа винтовку обеими руками, пошел. Он не чувствовал ни рук, ни ног, точно они сделались ватными, и плыл как в тумане. Ему дали какую-то бумажку, патронные сумки из холста, пачки патронов, пояс, а потом молодой солдат, бойкий и веселый, что-то говорил ему о затворе, о том, как надо держать винтовку,

брал винтовку из его рук, щелкал затвором и все спрашивал:

— Понял, товарищ?

— Понял, — невнятно ответил ему Акимка, хотя от волнения и новизны впечатлений не понимал ни одного слова.

В углу комнаты у окна рабочие рассматривали только что полученные винтовки, заряжали их, гремели затворами, туго подпоясывались новыми желтыми солдатскими ремнями, прилаживали сумки с патронами и сговаривались, кому с кем идти. В большой комнате было холодно, дымно и сыро. Пахло махоркой.

— Ага, и Розов с нами! — весело сказал низенький безусый рабочий, когда Акимка подошел к окну. — Записался?

— Записался, — широко улыбаясь, ответил Акимка.

Немного осмотревшись, Акимка увидел у самого окна Леонтия Петровича, перебиравшего пачки патронов. Он аккуратно, как вообще делал все, клал патроны в сумку и говорил, ни к кому не обращаясь:

— Раз на улице баррикады, то мы незамедлительно должны решить, по какую сторону баррикад мы стоим. Иль по эту сторону, иль по ту. В середине да в сторонке теперь стоять нельзя. А к буржуям мы не пойдем. Значит, и говорить много не надо. Бери винтовку и иди бить юнкеров.

— И эсеров, — добавил кто-то насмешливо.

— Что ж, — согласился Леонтий Петрович, — если достойны, их тоже не надо миловать.

— Правильно. Поглядим теперь, чья возьмет.

— И глядеть нечего: мы победим. Это бесспорно.

Акимка был рад, что на него не смотрят. Он прислонил винтовку к стенке и начал подпоясываться и прилаживать патронные сумки. От волнения у него дрожали руки.

Между тем комната наполнялась народом. Входили все новые группы рабочих. Стало шумно. Говорили громко, нервно, будто подбадривали себя, смеялись необычным отрывистым смехом без веселости, а ходили по комнате как-то толчками. Было ясно, что все волнуется. Три солдата, называвшие себя инструкторами, составляли из рабочих взводы Красной гвардии, отсчитывали по двенадцати человек и назначали к ним старшего. Акимку причислили во взвод Леонтия Петровича, который здесь же, в комнате, попытался поставить свою гвардию в ряд и, сдерживая улыбку, сказал:

— Ну, товарищи, у меня команды слушаться! Чтобы все в порядке было! Иначе... Строго, товарищи... Идемте!

Все, подтягиваясь, шумно вышли на улицу.

От дверей клуба по тротуару тянулась длинная очередь желающих записаться в Красную гвардию. Это пришли рабочие с лесных складов, с Прохоровской фабрики, с сахарного и гвоздильного заводов. Среди черных засаленных курток рабочих в очереди резко выделялись синие новенькие шинели трамвайных кондукторов, которые тоже записывались в гвардию. Около дверей на тротуаре и даже на мостовой уже стояла большая толпа женщин и пожилых рабочих, пришедших сюда поглядеть, как «наши пойдут воевать». Смеялись, перебрасывались веселыми шутками, грызли семечки, и все были спокойны и беззлобны, как дети, для которых порой самая смерть — забава. Только молодая женщина с остреньким худым лицом, до самых глаз закрытым черным потрепанным платком, в шубейке с вытертым и побитым молю воротником, кричала, стоя у самой очереди:

— Вернись, Овдонька! Богом прошу, вернись! Гляди-ка, какой гвардеец нашелся! Шут гороховый!

Про детей забыл? Слышишь, Овдонька? Домой иди!..

Овдонька, уже пожилой рабочий, с русой, свороченной набок бородой, в черной нахлобученной шапке, большой и неуклюжий, иско-са смотрел на женщину, не покидая очереди.

Было видно, что он стыдится за свою жену: вот у других рабочих жены не пришли сюда ругаться.

— Иди домой,— сказал он.

— А я говорю, не пойду без тебя!

Толпа, с удовольствием слушая перебранку, все же сочувственно и немного насмешливо поддержала женщину:

— Конечно, какая уж тут к черту гвардия, ежели двое детей.

— Записываться должны молодые.

— Знамо, надо молодых. Пушай идут люди слободные...

Высокая властная старуха с суровым лицом вела за рукав к штабу парня лет восемнадцати, у которого в руках была винтовка, а у пояса — холщовая сумка с патронами.

— Иди, сейчас же отдай все назад,— сердито говорила она,— Я тебе покажу гвардию!

Парень, красный от стыда, шел, опустив голову, и сердито бормотал:

— Все равно убегу. Не сейчас, так ужо убегу.

А старуха, дергая его за рукав, грозила:

— Я тебе убегу! Ты у меня свету невзвидишь. Вояка какой отыскался!

И, обернувшись к толпе, бросила мельком, словно оправдываясь:

— Дело-то без дураков обойдется...

Акимка испугался. А ведь и с ним то же может случиться. Придет мать, увидит — она, пожалуй, тоже хорошую гвардию задаст. Он испуганно стал осматривать толпу. Но матери, слава богу, не было. Две

знакомые барышни смотрели на него и чему-то смеялись. Акимка, будто не замечая их, подтянулся и сказал:

— Ну, товарищи, идемте скорей.

Взводы смешались. Пошли просто толпой человек в пятьдесят. Леонтий Петрович попытался было установить порядок, но потом махнул рукой:

— Сойдет...

2

Шли посреди улицы шумной и веселой гурьбой. А на тротуарах стояли густые толпы народа и смотрели на них. Акимка все еще боялся, что его увидит мать и заставит вернуться, но, когда прошли Кудринскую площадь и вышли на Садовую, он успокоился и пошел весело, словно его кто подбадривал. Везде было полно народа. Еще никогда Москва не казалась такой многолюдной, как в первый день гражданской войны. Шумно носились грузовые автомобили с солдатами и рабочими. Слышались крики «ура», отрывочное, нестройное пение и выстрелы, выстрелы со всех сторон...

На Садовой улице пресненцы разделились и пошли к центру города отдельными группами.

Акимка, сдвинув шапку на затылок, шел смело, с самым решительным видом. Когда проезжали автомобили с солдатами, он кричал «ура», срывал с головы обтрепанную шапчонку и отчаянно ею махал. Туго подпоясанный ремнем, подтянутый, взволнованный, он будто плыл в толпе, так легко ему было идти.

И толпа, и улицы, и эти крики «ура», и сам он — все это было таким новым, и все так изменилось к лучшему, что Акимке хотелось и петь, и смеяться от радости, хотелось сорвать винтовку и долго стрелять в воздух. Мимолетная встреча с соседом по дому, Василием Петряевым, на Страстной площади не оставила в его душе никакого следа.

Только когда он отошел далеко, то подумал: «А ведь он маме скажет, что видел меня».

На мгновение стало неприятно, но потом он махнул рукой:

«Э, все равно!»

Вооруженные солдаты и рабочие собирались на Скобелевской площади, в доме генерал-губернатора — старом, желтом, со строгим, красивым фасадом. Здесь был Московский Совет, а сейчас — главный революционный штаб.

Солдаты и рабочие с винтовками в руках один за другим плотной цепочкой входили в парадную дверь, а другие выходили из двери на площадь. Акимка чуть смутился перед дверью: а вдруг его не пустят?! Он вплотную придвинулся к Леонтию Петровичу и уже вслед за ним вошел в вестибюль. И первое, что ему особенно бросилось в глаза и поразило, — это золоченые перила широкой парадной лестницы.

В вестибюле и на лестнице рабочие и солдаты двигались тесно, плечом к плечу. Винтовки качались над головами. По парадной лестнице лились два потока: один справа — вверх, другой слева — вниз. Теснясь и слегка толкаясь, пресненцы вслед за Леонтием Петровичем стали подниматься вверх. Глухой, однообразный говор лился навстречу.

Сжимаемый людьми, в наивном удивлении полураскрыв рот, Акимка продвигался вслед за Леонтием Петровичем. Он впервые был в этом большом, красивом доме, таком таинственном, где прежде жили только князья, графы и очень важные генералы. Поднимаясь со ступеньки на ступеньку, он смотрел на лепные потолки, на белые блестящие мраморные стены, в которых отражался свет люстры.

Особенно его поразило зеркало во всю стену. В зеркале виднелось множество черных и серых движущихся фигур. Вот мелькнул Леонтий Пет-

рович, а за ним — мальчуган в рыжем пальто, в серой потрепанной шапке, с винтовкой за плечом. Акимка с некоторым трудом узнал себя: да, это он — румяное круглое лицо улыбается... От зеркала он повернул по лестнице вверх. Вот еще дверь — белая, очень высокая, с позолоченными наличниками. И через нее вслед за другими пресненцами Акимка протиснулся в белый зал.

Тут, у двери, он на мгновение остановился. Очень красивый лепной потолок, белые мраморные колонны, огромная люстра, сверкающая множеством огней, привели его в восхищение. С внезапной горячей гордостью он подумал:

«Наша взяла!»

И оглянувшись кругом уже вольно, весело, уже ни чуточки не боясь, что его могут остановить и куда-то не пустить.

Рабочие, солдаты... солдаты, рабочие... молодые, пожилые, все с винтовками и патронными сумками, а некоторые с пулеметными лентами через оба плеча, крест-накрест на груди и на спине, в шапках, фуражках, кепках... Их было больше сотни и даже, как казалось Акимке, тысячи. Все решительные, независимые, с суровыми лицами, они были как полные хозяева в этом красивом, очень большом зале. Глухой говор, точно рокот грозы, несся со всех сторон. Вокруг сияющей люстры сизым облаком медленно крутился табачный дым.

— Тише, товарищи! Тише! — прогремел зычный голос от дальней стены. — Тише! Слушай оратора!

— Тише! Тише! — покатилося по всему залу. — Да тише вы!

Говор постепенно упал.

«Что такое?» — насторожился Акимка и встал на цыпочки, чтобы лучше все видеть.

В середине зала над всеми головами поднялся солдат в серой шапке. Должно быть, он стоял на столе, — таким высоким он показал-

ся. Сдвинув шапку на затылок, он закричал:

— Товарищи! Настал решительный час! Сегодня мы начали восстание!

Грозный рокот пронесся по залу.

— Товарищи! Вчера вечером командующий войсками Рябцев и городской голова Руднев потребовали от Военно-революционного комитета, чтобы московский пролетариат и все солдаты были немедленно разоружены. Нынче ночью на Красной площади пролилась первая кровь. Юнкера хотели задержать наших храбрых двинцев, которые шли на помощь Военно-революционному комитету... Нескольким нашим товарищам убиты в этой первой схватке на Красной площади...

На мгновение он остановился в крайнем волнении. И весь зал вздрогнул от бурных, бешеных криков:

— Смерть юнкерам! Долой буржуев! Смерть буржуям!

Солдат властно поднял руку, требуя тишины. Буря мгновенно стихла.

— Товарищ Ленин в своем письме к москвичам требует, чтобы мы немедленно начали восстание.— Солдат высоко поднял над головой лист бумаги, помахал им, как призывным знаменем.— Товарищ Ленин пишет, что «ждать—преступление перед революцией». Правильно, товарищи! И мы такого преступления не совершим! Мы видим, ждать больше нельзя! Слова Ленина для нас закон! Весь московский пролетариат, все солдаты ныне встали, как один, и идут в смертный бой с белыми! То-ва-ри-щи! Мы не сложим оружия, пока не поставим на колени нашего врага!

И опять буря криков забушевала в зале:

— Ур-ра! Смерть буржуям! Долой юнкеров! Смерть офицерам!

Над головами грозно закачались винтовки. Акимка, подняв над го-

ловой винтовку, орал иступленно:

— Бей буржуев!

Солдат еще раз махнул листом, наклонился, исчез в толпе. На его место встал рабочий в черном пальто.

— Товарищи! Ныне мы идем в бой! В смертный бой, товарищи! До последней капли крови...

И весь зал одним дыханием ответил:

— В бой! Ура! Бей буржуев!

— Товарищ Ленин зовет нас на восстание! Товарищ Ленин ведет нас к победе!..

Бурные крики неудержимо превали речь:

— В бой! Да здравствует товарищ Ленин!

У дальней двери молодые голоса задорно запели «В бой роковой мы вступили с врагами...». Песня вспыхнула как порох, сразу перекинулась во всю толпу, во весь зал и будто дальше, в коридоры, на лестницу:

Но мы поднимем гордо и смело
Знамя борьбы за рабочее дело...

Акимка пел во весь голос, с таким задором, что не чувствовал себя. Вот песня кончилась, вся толпа задвигалась волнами, словно всех охватил порыв—скорей, скорей на улицу, в бой! Акимку охватило нетерпение: скорей же туда, где бьются!.. Он оглянулся. Где же Леонтий Петрович? И где пресненцы? Ни помощника мастера, ни знакомых с Пресни возле него не было. Он чуть испугался: Леонтий Петрович уже ушел в бой, а он отстал?! Нет же, нет, Леонтий Петрович не мог пройти мимо, Акимка заметил бы его. Он где-то здесь, в этой плотной толпе, или, может быть, ушел вон в ту дверь, что виднеется вдаль.

Торопливо протискиваясь сквозь толпу, поднимаясь на носках и всматриваясь, не завиднеются ли где знакомая фуражка и бородатое лицо Леонтия Петровича, Акимка

обошел почти весь зал. И нет! Все незнакомые!

Из зала он вышел в коридор, заглянул в одну комнату, в другую, в третью. Везде было полно народа, но знакомых нет.

Кудлатый человек, с бумагами в руках, с красной повязкой на рукаве, быстро прошел по коридору. Все поспешно давали ему дорогу. И Акимка узнал, что этот человек — из Военно-революционного комитета.

«Как все тут интересно!»

Ему представилось, сколько теперь он может порассказать матери, знакомым... Он прошел до самого конца коридора, спустился в первый этаж, затем поднялся в третий. Везде шумело море... Только у двух дверей стояли часовые.

— Сюда нельзя, товарищ!

В эти двери проходили по пропускам.

Акимка обошел весь дом, а Леонтия Петровича все нет. В толпе попался знакомый кондуктор трамвая в синей шинели. У него тоже винтовка в руках и патронная сумка у пояса.

— Ты зачем здесь? — крикнул он.

Акимка махнул рукой, улыбнулся: разве не понятно, зачем он здесь? И прошел мимо, ничего не ответив кондуктору.

Все закоулки дома были набиты людьми. На столах и на окнах появились банки консервов, куски хлеба, котелки с недоеденной кашей, чайники. Солдаты пьют чай, что-то жуют, смеются, торопятся...

Однако как же быть? Куда теперь идти?

Он опять пробрался в белый зал. Теперь все незнакомые ему казались своими — что-то сроднило его с ними.

В зале высокий человек, в теплом пальто с барашковым воротником, но без шапки, с длинными волосами, растрепанными и повисши-

ми как темная кудель, поднявшись на стул, надрывно кричал тенорком:

— Тише, тише, товарищи!

Когда шум смолк, волосатый человек сказал:

— Нужен заслон в Камергерском переулке. Товарищи! Идите туда!

Рабочие заволновались:

— На Камергерский, товарищи! Из Охотного наступают юнкера! Держись!..

Они, толкаясь, группами, начали уходить и на ходу щелкали затворами винтовок. Акимка, безнадежно потерявший в толпе и Леонтия Петровича, и товарищей с Пресни, присоединился к группе незнакомых рабочих и вместе с ними пошел на угол Камергерского.

Стрельба в конце Тверской теперь велась непрерывно.

По соседству с домом генерал-губернатора стояли солдаты.

— Цепью, цепью, товарищи! Стороной иди, осторожно. Здесь могут убить, — предупреждали они тех, кто шел вниз по Тверской.

Рабочие и солдаты, пригибаясь на ходу и прячась за выступы стен, шли гуськом один за другим. Мостовая была пуста, что особенно было страшно после шумных и людных улиц и переполненных комнат, в которых Акимка был сейчас.

У него судорожно забилося сердце и сперло в груди. Он крепко, обеими руками, вцепился в винтовку, каждую минуту готовый выстрелить, и шел за другими, приседая и останавливаясь, как все, бессознательно подражая им в движениях и даже в манере идти.

Выстрелы гремели уже совсем близко. Что-то щелкало в камень среди мостовой.

— Ого, летают голубки! — засмеялся солдат, шедший впереди.

— А что это? — спросил Акимка.

— Что? Разве не знаешь? Кон-

фета это, — насмешливо ответил солдат, оглядывая мельком робкую фигуру парня, — подставляй рот и лови.

Акимка смущенно засмеялся. Солдат заметил его смущение и дружески сказал:

— Ничего, не робей, брат! Пойдешь на войну, не то увидишь.

Все один по одному перебежали от выступа к выступу и собрались на углу Камергерского переулка, где уже стояла небольшая кучка рабочих и солдат, прячась за угольный серый дом, в котором прежде была виноторговля. Здесь воздух был полон свиста пуль.

Рабочие были все незнакомые. Акимке хотелось поговорить с ними, расспросить, как и что здесь, где враги сидят, откуда стреляют, но он робел. Все стояли молча, лениво топтались на одном месте, переступая с ноги на ногу, пощелкивая сапогами, словно всем было холодно и никто не знал, что надо делать. У всех были серые лица с пепельными губами. Краснощекий, румяный Акимка, с живыми, полными любопытства и застенчивости глазами, обращал на себя общее внимание.

На углу соседнего, Долгоруковского, переулка толпились солдаты, и среди них резко выделялись черные фигуры рабочих; все они стреляли вниз, в сторону Охотного.

— А отсюда стрелять нельзя? — спросил Акимка у солдата.

— В кого же будешь стрелять тут? Тут не в кого. Иди вон на тот угол, — угрюмо ответил высокий солдат в серой шапке, глубоко надвинутой на уши.

— А опасно идти туда?

— Ты попробуй, — криво усмехнувшись, посоветовал солдат, а потом, помолчав, вдруг сказал: — Айда-ка, товарищ, вместе. Я вперед, а ты за мной. Вместе-то веселее. Только берегись, брат. Стрелять будут — бросайся на землю.

У Акимки забилося сердце и по спине побежали мурашки, но он храбро ответил:

— Что ж, идем.

— Зря вы лезете туда, — лениво сказал кто-то позади.

— Ну вот еще, скажет тоже! — сердито отозвался солдат. — Идем!

Он глубоко надвинул шапку, поправил винтовку, подтянулся и быстро побежал вдоль стен по тротуару, низко пригибаясь на бегу. Акимка побежал за ним. Один дом пробежали, другой. Где-то щелкнул выстрел, и окно над головой солдата печально звякнуло. Солдат прыжками бросился к крыльцу аптеки и здесь присел. Акимка, точно подкинутый пружиной, метнулся за солдатом и присел рядом с ним. Солдат тяжело дышал.

— Откуда это? — тревожно спросил Акимка.

— Что — откуда?

— Стреляют-то?

— А черт их знает! Должно, откуда-нибудь с крыши. — Оба, крепко прижавшись к камням крыльца, сидели минут пять.

Между тем стрельба стихла. Не стреляли даже в Охотном. Солдат поднялся на ноги и осторожно начал осматривать крыши домов, а потом прыжком, словно его кто рванул, выскочил из-за крыльца и побежал через улицу на тот угол, где стояли рабочие. Акимка, не помня себя, не сознавая, что делает, побежал тоже. Откуда-то сверху нервно и беспорядочно затрещали выстрелы. Вокруг защелкало... Солдат, бежавший впереди, неловко споткнулся и, громко ругаясь, грохнулся на мостовую. Винтовка с жалобным дребезжанием упала на камни. Акимка успел заметить, что солдат крепко ударился головой о камни. Его серая шапка отлетела далеко вперед.

— А... А... Скорей! Скорей! — кричали с угла.

Акимка перебежал улицу, спря-

тался за угол в толпу и уже только тогда оглянулся. Солдат лежал все там же, где упал, а кругом него по камням мостовой щелкали пули и подскакивали изредка кусочки земли, поднятые ими...

— Готов, убили! — отрывисто говорили солдаты, стоявшие за углом. — Нужно было лезть, чертям...

Они сердито смотрели на Акимку, будто он был виновником смерти солдата. А тот, бледный, задохшийся, оглушенный, стоял у стены. Он так испугался, что готов был бросить винтовку и по-ребячьи заплакать. Но удержался. И стоял, судорожно отдуваясь. Он вдруг вспомнил, как солдат заскорузлой большой рукой надвигал на уши шапку и деловито поправлял винтовку.

Сверху, с Тверской, приехал лакированный автомобиль со студентами-санитарами. Санитары, чтобы остановить стрельбу, долго махали белыми флагами, на которых были нашиты красные кресты, потом подняли убитого, как тяжелый куль, быстро положили его на носилки и собрались уезжать. С угла им кто-то крикнул:

— Шапку-то возьмите!

Санитары забыли шапку, и вдруг всем показалось, что шапка для убитого просто необходима.

— Шапку, шапку возьмите! — нервно и злобно кричали рабочие и солдаты.

На момент всем казалось, что вот так и их могут убить, а шапку-то и забудут...

— Возьмите шапку! — крикнул Акимка. — Шапку.

Студент-санитар соскочил с автомобиля, поднял шапку и положил ее на носилки, рядом с головой убитого. Теперь все было в порядке. Автомобиль уехал, и все облегченно вздохнули. На том месте, где лежал убитый, камни потемнели и стояла красная пугающая лужа во впадинах между камнями. Не хотелось

туда смотреть, но тянуло подойти ближе и посмотреть пристально...

— Эх, крови-то сколько! — сказал сумрачно рабочий в темной, сильно потертой кожаной куртке и с рыжим теплым шарфом на шее. — Теперь полетела душа в рай...

Рабочий потрогал шарф рукой, подумал и тихонько откликнулся на свои мысли:

— Да... Так-то вот.

Все молчали, и каждый думал о чем-то своем, близком, глубоком, о чем никогда не узнают другие.

— В рай, на самый край, — пробормотал все тот же рабочий и скрипуче засмеялся.

— В рай не в рай, а вообще-то, братцы, дело не того... табак. Бьют по-настоящему.

— А откуда это били?

— Должно, с крыши, с костиницы. Там их тьма засела.

— А может, от Воскресенских ворот?

— Нет, это с крыши, — подтвердил Акимка. — Я видел, когда бежал сюда: с крыши.

Все с любопытством посмотрели на него. Паренек-то ведь случайно не лежит вместе с солдатом.

— Ну что, товарищ, чай, у тебя душа-то в пятаках теперь? — спросил рабочий, говоривший о рае. — Пожалуй, тебе теперь иголку надо.

— Какую иголку? Зачем? — удивился Акимка.

— Иголку настоящую. Душу-то выковыривать из пятаков.

В толпе коротко, нехотя засмеялись. Акимка покраснел, и у него стал такой сконфуженный вид, что пожилой усатый солдат угрюмо сказал ему:

— Зря ты, парень, полез сюда. Право, зря.

— Почему же зря? Разве я не такой же гражданин, как, например, вы? Это даже странно! — запальчиво, обидевшись, уже чисто по-мальчишески выпалил Акимка.

Солдат, улыбнувшись, сказал:
— Давай, давай, парень, защищай революцию!

Акимка нервно прошелся взад и вперед по тротуару, подошел к самому углу и выглянул к Охотному. Отсюда уже было видно и Охотный, и Воскресенскую площадь, и часовню Иверской иконы, и дальше, через Воскресенские ворота, угол Красной площади. Всюду было пусто. Ни людей, ни экипажей. И эта пустота особенно пугала. Всегда, даже в глухую ночь, здесь было много народу. А теперь никого. Под Воскресенскими воротами и ближе сюда, по углам, мелькали фигуры, стреляли из винтовок, и пули с резким зиганьем летели мимо, били в мостовую и в забор большого строящегося дома. В Охотном ряду, за углом, мелькнула какая-то фигура. Акимка прижал винтовку к плечу и нажал спуск. Винтовка резко толкнула в плечо. В ушах загремело и запищало...

Солдаты столпились в углу.

— В кого бил? — спросили они.

— А там юнкер, кажись...

— Смотри, не убей частного какого.

Из-за угла опять высунулась фигура в серой шинели и — трах!.. — выстрелила сюда и опять юркнула за угол. Пуля отбила кусок штукатурки.

На солдат и на Акимку полетело облачко тонкой пыли. Все разом отшатнулись.

— Вот, мать честная! — удивленно сказал Акимка.

Ему приятно было, что в него стреляли. В него, Акима Розова. Об этом можно потом рассказывать всю жизнь.

— Ах они!.. — вдруг громко, на всю улицу, закричал молоденький солдат. — Они этак, так их... А!

И, ругаясь страшными словами, он начал торопливо стрелять по улице: трах... трах... трах...

Два других солдата подскочили

к нему, и один с колена, а другой стоя, с азартом, будто по наступающему неприятелю, стреляли вдоль улицы.

Акимка весь загорелся. Он выскочил из-за угла на самую улицу и, стоя открыто, стрелял в дальние дома. Никого нигде не было видно, но и солдаты, и Акимка, и пятеро других рабочих, прибежавших к углу, все сосредоточенно стреляли. Стрельба продолжалась минуты две. От выстрелов у него заныло плечо. Ладонь правой руки покраснела, натертая шишечкой затвора. А пока отсюда стреляли, в Охотном было тихо.

— А может быть, они ушли от туда? — спросил Акимка.

— Какой ушли! Там. Сейчас вот в угольный дом стреляют.

— А там наши?

— Ну да. Сидят наши.

И вдруг, как бы подтверждая этот ответ, из окон угольного красного дома затрещали частые выстрелы.

— Вишь? Это наши, — подтвердил солдат.

Из Охотного донесся крик. Солдаты прислушались. Крик опять повторился.

— Ранили кого-то, — сказал рабочий с ржым шарфом.

— Должно, ранили. Кричит. Не хочет умирать.

— Юнкеря, должно.

— Видать по всему, что юнкеря. Кричит, как резаная свинья, — сказал юркий солдат и нехорошо засмеялся.

Он заискивающе посмотрел на всех, словно искал сочувствия.

А все промолчали.

— Стой-ка, о чем кричат?

За углом кричали надрывно. Все стали слушать, вытянув шею, но ничего нельзя было разобрать. Акимка опять вышел из-за угла, присмотрелся и, подняв винтовку, стал стрелять. Теперь уже стрелял спокойно, целясь.

— Бу-ух! — вдруг ахнуло за домами, и сразу резко свистнуло где-то около.

Акимка присел от неожиданности. Он увидел, как обвалился, будто плеснувшись на мостовую, угол красного дома. Это ему показалось так страшно, что он, не помня себя, подскочил и бросился бежать от угла по переулку. Но никто за ним не побежал. Просто прижались к стене под ее защиту. И приготовили винтовки стрелять. Акимка приостановился.

— Из пушек бьют! — крикнули с противоположного угла. — Держись, товарищи!

— Бу-ух! — опять ахнул выстрел.

Все вздрогнули, однако оправались быстро, и, словно второй выстрел успокоил, все подошли к углу, сгрудились. Акимка, красный от стыда, тоже подошел. Ему было очень стыдно за свой испуг. Винтовочные выстрелы в Охотном загрели резко и часто.

— Наступают! Идут!.. — крикнул кто-то из окон.

Вот из-за дома прямо на мостовую выбежали люди в серых и синих шинелях и побежали сюда, стреляя вдоль улицы и в тот угол, за которым прятался Акимка.

«Вот они!» — подумал Акимка. Он задохнулся от волнения.

Солдаты, стоявшие рядом, закричали:

— Идут! Идут!..

Вдруг в тишине ухо поймало глухое шипенье и фырк.

— Стой, ребята, кажись, автомобиль! — встрепенулся юркий солдат и, взяв винтовку наперевес, поспешно подошел к самому углу и украдкой выглянул туда, к Охотному.

Все стали прислушиваться. Шум становился яснее.

— Верно: автомобиль. А ну-ка, поглядим...

И все сразу оживились, сгрудились

на самом углу, приготовили винтовки.

Из-за угла Охотного вышел грузовой автомобиль, на котором, стоя и сидя, ехали вооруженные люди в синих и серых шинелях. Винтовки беспорядочно торчали во все стороны.

Акимка, рабочие и солдаты торопливо, наседавая один на другого, прицелились, залпом выстрелили в него. Автомобиль дернулся и остановился; из машины брызнула белая струя бензина; на нем судорожно заметались люди.

— А-а!.. — торжествующе заревел голос рядом с Акимкой.

И рев толкнул всех. Солдаты и рабочие выскочили на мостовую и, стоя здесь кучками, не думая об опасности, начали стрелять по автомобилю. Из-за соседнего угла прибежали еще солдаты и рабочие. Все стреляли с судорожным азартом. Акимка видел, как там юнкера клубками падали на мостовую, на дно автомобиля, судорожно метались, стараясь спрятаться за колеса и за борта; видел, как летели щепки, отбитые от деревянных бортов автомобиля, и острая неиспытанная радость душила его.

— Бей их! Лупи! — орали здесь около него.

— Бей! — орал Акимка, уже не сознавая и не чувствуя себя, и стрелял без передышки, едва успевая заряжать.

Прошла, может быть, минута, автомобиль стоял разбитый, и никто уже не шевелился ни на нем, ни около него.

— Ого-го!.. — торжествовали здесь. — Это здорово! Ни один не ушел!

Но огневое возбуждение схлынуло. И все смотрели, ждали, что будет дальше. Вдруг из-за дальнего угла вышла девушка в кожаной куртке — на рукаве рдеет крест, голова повязана белой косынкой. Она решительно подошла к автомобилю.

билю. Рабочий с рыжим шарфом вскинул винтовку.

— Ты! Что ты, дурья голова? — крикнул на него солдат.

Рабочий оглянулся, но продолжал держать винтовку у плеча.

— Не мешай. Это буржуйка, я ей...

Солдат широко шагнул и схватил рукой за винтовку рабочего:

— Дурак, разве не видишь? Сестра это.

— Нешто можно стрелять? Аль мы с бабами вышли воевать? — загалдели другие. — Очумел, что ль, ты?

— Знаем мы этих сестер!.. — начал было рабочий.

Но все вдруг накнулись на него:

— Иди прочь!

— Дай ему в шею, он и не будет...

— Глядите, глядите... вот смелая-то!

Девушка ходила вокруг автомобиля, нагибалась к колесам, где виднелись бесформенные кучи — убитые, — будто мешки. Она ходила от одной кучи к другой, трогая их рукою, и молчала.

А здесь, затаив дыхание, напряженно смотрели на нее рабочие, солдаты, Акимка. Вот девушка что-то крикнула, махнула рукой. Из-за угла плывущим шагом вышли двое солдат с повязками на рукавах — к автомобилю. Над одной кучкой наклонились, потом один подставил спину, другой поднял неуклюжий мешок в шинели — внизу болтались сапоги, — положил первому на спину. Так начали они носить убитых.

Поднимали их с земли, вытаскивали из автомобиля, клали на спину и, сгибаясь, тащили за угол. И когда там поднимали труп, здесь радовались:

— Несут! Еще несут! Это вот так-ак, это вот по-нашему!

— Гляди, гляди — это юнкер.

— Ого, а это офицер.

— Ка-ко-ой длин-ный!

— Восьмого понесли!

— Я говорил: за одного нашего десять ихних.

Акимка приплясывал. Вот порасскажет теперь там, дома-то! Вот унесли последний труп, и возбуждение погасло. Автомобиль стоял как раз на перекрестке — разбитый.

Тр-рах!

Это на дальнем углу выстрелили. И сразу здесь на всех лицах мелькнуло упорство и напряженность. Все торопливо защелкали затворами, задвигались. К углу подошел солдат с черной острой бородкой. Он сказал отрывисто:

— Сейчас наступление, товарищи. Готовься.

«Наступление, — повторил про себя Акимка, — наступление!»

Под ложечкой у него задрожало. Он заметался туда-сюда, искал места, где бы встать, так как думал, что наступление — обязательно идти рядами.

— Наши обходят дворами. Как начнется стрельба, мы...

Солдат не договорил: на углу в Охотном ряду сразу закипела стрельба. Солдат метнулся, крикнул: «За мной!» — и, не оглядываясь, побежал тротуаром к Охотному. Акимка заревел: «Ура-а-а!..» — и за ним. И враз перегнал. Один — впереди всех, сломя голову бежал, а навстречу ему неслось горячее, может быть, воздух, может быть, пули, — и ветер визжал в ушах.

Остановился он только на углу Охотного, у красного дома, и видел, как вниз по Моховой бежали синие и серые шинели, и три раза успел выстрелить им вслед. Взволнованный и торжествующий, он взобрался на крыльцо охотнорядской часовни, чтобы оттуда лучше и подальше видеть. Охотный ряд, Театральная площадь и улицы — все было пусто. Из-за лавочек массой затолпились на углах. Они с любопыт-

ством, точно на диковинку, смотрели на солдат и рабочих, рассматривали расстрелянный и залитый кровью автомобиль, стоявший на перекрестке. Мальчишки отдирали щепки от бортов, собирали гильзы патронов. Потом толпа смешалась с вооруженными солдатами и рабочими. Три мальчугана, лет по десяти, остановились перед Акимкой и с завистью смотрели на него.

— Дай пострелять, — попросил один.

Акимку жестоко оскорбила такая просьба.

— Уйди! — грозно крикнул он на мальчугана и, прислонившись к каменному парапету часовни и держа винтовку наперевес, решительно и сердито закричал: — Частные которые, расходись! Стрелять буду! — И выстрелил вверх.

Толпа шарахнулась.

— Расходись! Расходись!

Солдаты и рабочие собрались у часовни и, мирно переговариваясь, стояли, курили, забыв об опасности. И опять, словно тараканы сквозь щели, к ним подошли, один по одному, мальчишки, и кругом зачернела толпа. Мальчуганы шныряли в толпе, собирали расстрелянные гильзы. Стало покойнее. Акимка с вызывающим видом обошел вокруг часовни, остановился опять на крыльце.

Стрельба шла около университета и у Кремля.

— Идут юнкера! — вдруг резко крикнул из-за часовни детский голос.

И в тот же момент кругом часовни и на улице грянули частые выстрелы. Толпа бросилась врассыпную. Мальчишки падали на землю, бежали, на четвереньках ползли к лавкам. Дрожа всем телом, Акимка попытался, приседая, пробежать к углу Тверской, но едва выбежал из-за часовни, как попал под выстрелы. Он увидел, что из ворот соседних домов поодиночке и групп-

пами бегут юнкера с винтовками наперевес и что на всех соседних крышах виднеются фигуры людей с винтовками. На бегу юнкера в упор стреляли в солдат и рабочих. У самого угла часовни, на грязных, покрытых осенней слякотью плитах тротуара, уже лежало несколько человек, судорожно корчившихся и кричавших, а рядом с ними валялись брошенные винтовки. Несколько солдат плотно прижались к стенам часовни и стреляли в юнкеров. Акимка скакнул к солдату, что стоял с краю, бессознательно прижался к его боку, словно хотел спрятаться за него.

— Бей их! — иступленно крикнул солдат. — Бей!

Он прицелился, выстрелил в юнкера. Юнкер упал. Этот бешеный крик, этот выстрел словно электрическим током пронизали Акимку.

— Бей их! — так же бешено заорал он.

Акимка чуть отодвинулся от солдата, скинул винтовку, выстрелил прямо в цепь юнкеров. И снова двинул затвором, вогнал патрон, выстрелил. Все помчалось в каком-то диком вихре. Выстрелы гремели оглушающе. Кто-то кричал иступленно. Кто-то ругался. Юнкера падали... один, другой, третий... Их цепь сразу поредела. Юнкера не ждали нападения из-за часовни. На момент они приостановились. Часть их бросилась сюда, к часовне. Бегут! Бегут! Ближе, ближе... Бешеные лица, злые треугольные глаза... Выстрелы затрещали ливнем. Два солдата, как подброшенные, кинулись навстречу юнкерам со штыками наперевес. Вот добежали, сцепились и кучами упали на мостовую. Акимка выскочил на мостовую и, припав на колени, стрелял в юнкеров.

Вдруг позади него раздались выстрелы, топотом множества ног, и грянул крик:

— Ур-ра! Бей их!

Акимка оглянулся. Из-за угла гостиницы «Националь» плотной массой бежали солдаты и рабочие, стреляя на бегу. В момент они очутились рядом с Акимкой... вот у часовни... вот ударили в штыки. Цепь юнкеров разорвалась, рассыпалась. Часть их помчалась вниз по Моховой, часть назад, в ворота углового дома. Крыши домов сразу опус-

тели, словно там пронесся сметающий ветер и умчал юнкеров.

— А-а-а-а! — сквозь гром выстрелов послышался торжествующий неумолчный крик. — Наша взя-ла!..

И, подняв высоко над головой винтовку, Акимка заорал во всю силу:

— Ур-ра! Наша взяла! На-ша взя-ла-а-а!

ВЛАДИМИР КУРОЧКИН

СЛУХОВОЕ ОКНО

Над домами слышался пронзительный свист. Он приближался и становился все громче. Через мгновение свист достиг своего предела, к нему присоединилось еще пришепывание, затем странный звук удалился в направлении высокого и мрачного кирпичного здания. Там раздался глухой удар, вокруг задрожала земля, внизу посыпались стекла.

— Еще один, — шепнул Семка.

— Да, и все оттуда, — указал Тарасик на горизонт.

— Как к вечеру, так и начинают. Так и палят. Это наши?

— Наверно. Mamka говорила, что они установили пушку у Зоологического сада. Прямо в воротах.

— Ты, Караська, только не ври. Как это в воротах? Откуда мать знает?

— Я и не вру. Она к батьке ходила. Ты об этом никому не говори. Она носила ему ватную куртку и хлеба. Вот и видела все своими глазами.

Они помолчали. Потом Семка сказал:

— Значит, Карась, фабрика теперь не работает? Небось твой отец не один оттуда ушел.

— Все ушли. Еще до начала стрельбы работать бросили. По гудку. И не переодевались, а так и пошли в чем были. Ружья им где-то достали. Батька домой даже не зашел. Мать поэтому-то и ходила.

— Моего тоже пять сутки нет...

Он в Красной гвардии сейчас. Я знаю. Так всех наших называют. Мне Андрейка рассказывал.

Вверху опять засвистело. Это был протяжный, стонущий звук. Он проникал в самую середину тела. Давил в низ живота, а голова при этом невольно вжималась в плечи: почти инстинктивно от страха. Семка и Тарасик высовывались в слуховое окно на чердаке четырехэтажного дома. Подоконник был расположен высоко от пола, и они, чтоб удобнее смотреть с крыши вниз, подложили под ноги полено. Ребята прятались за подоконник каждый раз, когда слышали этот свист.

— Хорошо, что сегодня нет дождя, — заметил Тарасик. — А вчера ночью был...

— Я все равно пришел бы сюда, пусть хоть и дождь, — сказал Семка. — Я не могу больше сидеть дома. Окна занавешены, света нет. Сестра и мать все время ревут. И главное, не узнаешь, что же там?..

Он привстал на носках и показал рукой вниз, где виднелся небольшой грязный дворик. Железные проржавленные ворота закрывали его от внешнего мира. В эти ворота упирался тупик, который в свою очередь выходил на широкую улицу. Она была пустынна, так же как и другие улицы, на которых Семка и Тарасик не замечали ни одной живой души. По улице валялись разбросанные в беспорядке различные предметы: поломанные стулья, столы, полосатые матрасы. В некоторых местах вся эта рухлядь образовывала полуразрушенные баррикады, перегораживающие улицу. У одного фонаря лежала разбитая пролетка. Сам фонарь был согнут. Сокрушительная сила перекрутила его железный ствол вокруг оси, как витой хлеб. В этом месте у двухэтажного каменного дома не хватало угла. В отверстии торчала двухспальная деревянная кровать с отбитыми ножками. Висел на

длинных белых электропроводах граммофон со сломанной трубой. Налево, далеко, в самом конце улицы, были повалены поперек мостовой грузовик и две подводы. Между ними и на них аккуратно лежали мешки с песком. Их было очень много. Они плотно прилегали друг к другу. Издали это походило на соты. Людей за этими укреплениями не было заметно. Сероватая мгла струилась над мешками.

Но больше всего Семку и Тарасика привлекал правый конец улицы. Там не виднелось баррикад. В обитом и облупившемся кирпичном здании, стоявшем поперек улицы, все окна были забиты мешками с песком и серыми валиками из свернутых тонких казенных матрасов. У кирпичного здания на крыше зияла огромная дыра, в стенах темнели бреши, и поэтому дом имел мрачный вид. Он казался заброшенным, но от него веяло опасностью. Дом со своими дырами в стенах напоминал полуразвалившийся от времени череп, из которого вот-вот могла выползти змея. В одном из окон торчало древко с трехцветным царским флагом. В доме сидел враг. Это были казармы школы прапорщиков. В них с самого начала октябрьских событий укрепились юнкера. Они отсиживались там и мешали рабочим отрядам с Пресни пройти к Брянке и на Арбат. Изредка они делали вылазки в близлежащие дома и терроризовали жителей: уводили мужчин и расстреливали.

— Еще бы три снарядика, и им бы капут, — произнес Тарасик.

— Ну да, капут. Их там, наверно, больше сотни засело. Когда-то всех перебьют...

— Нет, если бы как следует нацелиться, тогда можно было бы. Дом-то ведь рухнет.

— Что дом! Разве в него с такого расстояния попадешь? Нашим и не видно его оттуда. Целятся наугад. Вон, смотри, опять не попало!

Оба быстро спрятались за подоконник, присев на корточки. Воздух внезапно с воем и грохотом раскололся. На чердаке ребятам сначала не хватило воздуха. Они раскрыли пересохшие рты, а затем в слуховое окно резко ударила воздушная волна, и в уши будто бы воткнули пробки. Стало больно барабанным перепонкам. Этот взрыв был самым сильным за весь день. Тарасик даже зажмурил глаза.

— А что, если бы не долетело? — шепнул он через минуту. — Тогда бы в нас...

— Молчи, — оборвал его Семка.

— Пойдем вниз, — продолжал Тарасик. — Хватит уж.

— Ах ты...

Семка крепко сжал пальцами деревянный край подоконника и повернулся лицом к Тарасику. Увидел красный остренький носик друга, покрытый капельками пота, пыльные и короткие рыжеватые волосы и глаза с длинными белесыми ресницами. Тараска глядел на него в упор, но Семка не чувствовал на себе его взгляда, словно тот смотрел сквозь стекло. Глаза его немного косили. «Вот связался на свою голову», — подумал Семка и уставился на влажный лоб соседа. Вспыхнула злоба. «Ах, какой ты, — рассмотрел он его, — трусишка безбровый». Но Семка чувствовал на своем лице противный липкий пот. От тошнотворного страха и у него дрожали ноги, отваливались руки, болел живот и хотелось лечь на грязный пол чердака. А тут еще этот странный блеск в глазах Тарасика и его вздрагивающие губы.

Семка искал успокоения, напряженно вглядываясь в товарища. Но Тарасик явно трусил, и от этого становилось еще страшнее. Действительно, ведь снаряд мог упасть на их крышу в любое время. И становилось сейчас же обидно за все эти мысли. Он ни за что не уйдет отсюда! Пусть дрожат колени. Пусть

упадет снаряд, — он не уйдет и будет все видеть. Хочет все видеть! Если нельзя выйти за ворота, то он будет сидеть именно здесь, на чердаке. А Тарасик может уходить! Но Семка тотчас сообразил, что эта мысль вздорная. Если Тарасик уйдет, то вслед за ним по лестнице вниз сбежит и он. Одному остаться не хватит сил. Может быть, он сам сейчас первый убежит. Нет, нет, так нельзя! Семка сжал зубы.

— Пойдем же, — сказал опять Тарасик.

Семке стало жаль друга. Он вспомнил, что двенадцатилетний Тарасик моложе его на год и всегда безропотно доверял ему свою судьбу. Поэтому Семка почувствовал себя обязанным быть смелым и великодушным. Он дотронулся до руки Тарасика.

— Останемся еще немножко. Только одну минутку. Сейчас посмотрим, что там случилось, и тотчас же пойдем. Мы успеем убежать до следующего выстрела.

После оглушительного взрыва в ушах еще звенело. Потом постепенно вернулись все звуки улицы. Далекая и беспорядочная стрельба, шум, похожий на гудение большого колокола, и совсем рядом, на крыше, назойливый скрип раскачиваемой октябрьским ветром доски, полуоторванной от маленькой голубятни.

Семка и Тарасик опять высунулись в окно. Весь правый верхний угол казарм был разрушен, но в проломе ничего не было видно. Оттуда валил черный дым. В воздухе пахло гарью.

— Вот это здорово попал. Правда? — сказал Тарасик.

— Да. Хлестко ударил, — ответил Семка. — Так и нужно...

— Это им за нашу голубятню. Пусть офицеры запомнят. Они уж очень злые, даже голубей не пожалели.

— Вовсе это не офицеры, а юн-

кера. Прапорщиками их зовут, хотя все одно и то же.

— Зачем их только вчера в наш двор пустили?

— Попробуй не пусти, они силой вошли. Ворота стали разбирать. Наверно, слышал, как кричали: «Из вашего дома стреляют». Хитрые, черти. А как вошли, так сразу же полезли на чердак. Вон видишь, все перерыли и голубятню сломали. Что-то искали. Только все это они так, для отвода глаз делали. Запугать хотели.

— А как же они твоего брата увели?

— Да около наших дверей трое из них хромого сапожника, соседа, стали бить. Андрюха не выдержал и выскочил. Одного ударил, остальные его схватили.

— Куда же они его потащили? Может быть, он у них там в доме сейчас? Избили, наверно? А?

— Не знаю...

Семка отвернулся и стал смотреть на разрушенную маленькую голубятню. Ее когда-то сделал его брат. Теперь она валялась на краю крыши. Ее удерживали только две ржавые проволоки, прикрученные к дымовой трубе. Сквозь пробитые деревянные стенки было видно свинцовое небо. В белой рамке досок, омытых дождем, на сером фоне неярко желтела полоска света: на горизонте были разорваны тучи. И внезапно для Семки вся эта картина дрогнула и затуманилась...

— Ты что? — Тарасик удивленно заглянул ему в лицо.

— Отстань!

— Пойдем отсюда.

— Ну, побудем еще немножко. Что тебе стоит?

— Надоело уже. Смотри-ка, смотри-ка, дым перестал идти!

Лохмотья черного дыма расползлись по улице и исчезли за домами. Ветер не дал им подняться кверху. В проломе дома чернели обгорелые балки, торчали изломан-

ные куски кровельного железа. Некоторые листы жести были смяты в комок, как газетная бумага. В глубине мелькали тени людей.

— Вот они, вот они. Юнкера! — зашептал Тарасик, быстро прячась за оконную раму и показывая на тени в проломе. — Затушили!

— Эх, и трус же ты! — сказал ему Семка.

Но сейчас же сам стремительно спрятался за подоконник. Соскользнул с гладкого полена и загромыхал ногами о мятые консервные банки. Вслед за ним на пол соскочил и Тарасик. Оба страдальчески глядели друг на друга. У Тарасика опять косили глаза.

— Что ты? — слабым голосом спросил он.

— Я? Ничего, — ответил Семка. — Там на улице юнкер... с винтовкой.

— Уйдем скорее!

— Сейчас. Взглянем только.

Ребята снова осторожно выглянули с крыши и оцепенели. По бокам улицы, прижимаясь к домам и заборам, перебегали и ползли с винтовками в руках люди в офицерских шинелях. На улице господствовала тишина, и люди с винтовками передвигались молча, не стреляя, согнувшись и не оглядываясь назад. Они напряженно разглядывали баррикаду у конца улицы, быстро перебегали от парадного к парадному, от тумбочки к тумбочке.

— Что же это будет? — крикнул Семка. — Юнкера!

— Не кричи! — заволновался Тарасик. — Они в нас стрелять начнут.

Семка замолчал. Он, подпрыгнув, лег животом на неудобный деревянный подоконник, схватился руками за желоб для стока воды и, подтянувшись к краю крыши, стал смотреть на улицу, где наступали юнкера. Они появлялись из-за угла. Видимо, они выбегали из ворот кирпичного дома, которых за углом не

было видно. «Подать бы сейчас нашим какой-нибудь сигнал, — подумал Семка. — Что же они там, на баррикаде, не видят ничего?»

Юнкера тем временем добрались до тупика, в котором жили Семка и Тарасик. Командовал маленький толстенный офицер с краснощеким пухлым лицом. Он бежал, согнув голову, слегка путаясь в длинной шинели. В руках у него торчал маленький блестящий револьвер, который он держал короткими пальцами, как птичку. Когда толстяк добежал до тупика и поднял вверх руку, как бы призывая своих подчиненных бежать быстрее и не прячась, в конце улицы из-за мешков ударил пулемет. Выпустил одну очередь и смолк, затем опять раздались выстрелы. В чахлом саду за двухэтажными грязными домиками суматошно взлетели вороны. Толстяк с невероятной для своего тела легкостью в два прыжка очутился в тупике, а остальные поползли обратно к казармам. Они готовы были вмяться в мостовую, чтобы спрятаться от пуль. Многие из них не двигались, а валялись, раскинув в стороны руки и ноги. Им уже было все равно. Пулемет стрелял короткими очередями. И каждый раз направо за чердаком, за домами, выстрелы повторялись, как будто там тоже стреляли из пулемета.

— Эх, — сказал Тарасик, выглядывая наружу.

— Обожди ты, — не оборачиваясь, ответил Семка.

Толстяк в тупике нервничал, суетливо прыгал по тротуару, но до угла не добегал. Останавливался и топал еле видневшимися из-под шинели ногами, злобно кричал вслед отступающим. Он оставался один, понимал это, но у него не хватало смелости покинуть свое убежище.

— Это тот, ей-богу, тот, — вдруг сказал Семка. — Когда уводили Андриюшу, он бил его по голове!

С этими словами Семка оттолкнул

нулся от желоба и быстро соскочил с подоконника на полено.

— Нужно что-нибудь кинуть,— зашепшил он,— камень или железное. Потяжелее.

Бросился в глубь чердака и начал рыться там в хламе.

— Семка, Семка, он упал! — закричал Тарасик.

И Семка опять бросился к слуховому окну. Толстяк действительно уже не бегал. Он перебежал на другую сторону тупика и там сразу же попал под обстрел. Теперь он лежал на мостовой. Несколько минут еще пытался ползти, а затем утих, и лицо его стало серое. Стрельба усилилась. Пулемет на баррикаде работал непрерывно. В красном кирпичном доме также стрелял пулемет. Стреляли и из винтовок. На улице щелкали пули. Они били в мостовую. Рикошетом попадали в первые этажи домов. Там сидели за занавешенными окнами, может быть распластавшись от страха на полу, матери, сестры и дети тех, кто был за баррикадой.

Семка и Тарасик все еще высывались из слухового окна. Они оглохли от стрельбы, но забыли о страхе и осторожности. Неожиданно за слуховым окном, за дымовой трубой послышался шорох. Кто-то крался по железной крыше, потом там загремело, раздалось тихое ругательство. Семка испуганно повернул голову и увидел лицо и плечи своего старшего брата Андрея. Тот, держась за дымовую трубу, переполз через конек и опять выругался, затем начал высасывать кровь из свежей царапины на левой руке. За плечами на ремне у него висела винтовка. От неловкого движения руки она загремела прикладом.

— Андрюша! — почти застонал Семка.

Он, спеша, неловко полез из слухового окна, не соображая, что мо-

жет легко упасть вниз. Андрей вздрогнул от неожиданности.

— Зачем ты здесь? Как ты смел? — зашипел он.

— Мы посмотреть, мы с Карасем хотели видеть... — оправдывался Семка.

Он дополз до брата на коленках, цепляясь руками за железные швы на крыше.

— Я и он,— показал Семка на высывающегося из окна Тарасика.— Иди, иди сюда! — крикнул он ему.

Тарасик тоже полез вверх, забыв все на свете.

— Андрюш, ты убер оттуда? — спросил Семка брата, показывая на полуразрушенный кирпичный дом.— Тебя не убили прапорщики?

— Ну, они слабы на этот счет,— улыбнулся Андрей.— Мало каши ели, я от них быстро сбежал. Не успели и до ворот довести. У меня ведь в кармане наган лежал. Я им показал...

Семка недоверчиво смотрел ему в лицо. У Андрея на правой щеке была содрана кожа, под глазом темнел синяк. У левого виска — кровоподтек. Прямой нос распух и стал странно курнос. Андрей уже не казался молодым, восемнадцатилетним. Он постарел и выглядел зрелым мужчиной. Его мягкие черные и длинные волосы были грязны и спутаны.

— Вот что,— резко сказал он,— мне некогда здесь с вами возиться. Раз залезли, так уж сидите, голубчики. Будете помогать!

Он вытер в последний раз кровь на расцарапанной руке и прищурил глаза. Усталые, с красноватыми жилками белки исчезли, на ребячьи уставились одни серьезные карие кружочки.

— Выполняю важное поручение! — оглядываясь, продолжал он.— Я убежал от этих гадов и махнул к нашим, на баррикады. Мне винтовку дали. Я там и отца ви-

дел, — зашептал он, еще раз оглядываясь. — Мы сейчас должны были идти в атаку. Выбивать их, сукиных сынов, из казарм. Но пулемет помешал. Вон куда его юнкерня упрятала...

Андрей указал на чердачное окно, темнеющее на ярко-зеленой крыше большого здания. Оно стояло на улице много правее их дома.

— О, это на том чердаке? — удивился Тарасик.

— Да. Им оттуда удобнее стрелять. Не знаю только, как они туда забрались. В бинокль их с баррикады видно, — ответил Андрей.

— А мы думали, это эхо.

— Как раз... От такого эха люди падают. Ну ладно, хватит разговоры разговаривать. Некогда. Мне поручили все это дело, поскольку я здешние крыши знаю. Вот! — Андрей заправским жестом голубятника, показывающего дорогого голубя, высунул из пазухи кончик гранаты. — Видели? Там быстро замолкнут от такой штуки.

Граната, видимо, побывала в сыром месте, и на ней была ржавчина, но все же она выглядела солидно, и ребята не сводили глаз с оттопыренной груди Андрея.

— Вы поможете? — Он помолчал. — Для революции...

Эти слова произнес особенно серьезно, почти торжественно. Их ему точно так же сказали на баррикаде, когда давали поручение. «Для блага революции выполните, товарищ Тимошин?» — спросил командир. У Андрея тогда даже запершило в горле и сердце забилося. До того это было важно. Важнее всего на свете. Для революции... Он сначала даже не мог ответить от волнения, а потом сказал: «Ясно, выполняю!» Теперь еще раз вспомнил эту памятную для него минуточку.

Ребята переглянулись. Семка крепко сжал тонкие губы и сдвинул густые черные брови. Он стал

похож на брата, только без синяков и кровоподтеков.

— Конечно, поможем, — ответил он. — Разве трудно. За голубями-то ведь мы лазили.

— Только не трусить, — предупредил Андрей. — Я ведь вас знаю: душу в пятках всегда готовы держать. Ну, пошли быстрее!

Он приподнялся, снял с плеча винтовку и прикрепил ее кусками проволоки к трубе. Потом все трое переползли через конек на крыше, опустились к водостоку.

— Андрюш, а как же ты залез сюда? — спросил Семка.

— С задних дворов, по пожарной лестнице, — ответил ему Андрей.

Они доползли до конца своей крыши, через секунду очутились на чужой, давно уже потерявшей окраску, ржавой и дырявой. Дома в этих местах стояли, плотно прижавшись друг к другу.

— Обождите, ребята, — остановился Андрей. Он стал снимать сапоги. — Вам-то легко — вы маленькие, а мне трудно. Очень скользят, и шуму много.

Снял тяжелые солдатские сапоги и на секунду растерялся, не зная, куда спрятать, потом сунул их в дыру на крыше. Один сапог сейчас же провалился внутрь. «Нехай лежит, — подумал Андрей, — после найду». Поползли дальше. Железо с хрустом подминалось под тяжестью тел. Андрей и Семка ползли на коленях, а Тарасик передвигался сидя. Глаза его были напряженно устремлены в одну точку и косили. Волосы торчали, как иглы ежа, но вперед он двигался весьма решительно.

— Сейчас самое трудное будет, — шепнул Андрей, когда они добрались до четвертого дома.

Крыша здесь имела скат в одну сторону, к улице, словно это была только половина дома. Наклон крыши был очень крутой, и хотя внизу у конца ее был невысокий камен-

ный парашют, все же ребят легко могли увидеть с улицы.

— Ложись на живот! — скомандовал Андрей.

Ребята живо растянулись на крыше и, прижимаясь к самому парашюту, тихо двинулись вперед. Пулеметная стрельба на улице кончилась. Одиноко звучали лишь винтовочные выстрелы. Эта крыша была недавно выкрашена и пахла олифой. Ребята ползли, чуть ли не носом прижимаясь к красной поверхности железа. Дул порывистый ветер, он свирепо трепал их одежду. Дом был выше остальных на этаж, и поэтому Андрей и мальчики устремились вверх по крыше, к самому ее краю, где кое-как можно было зацепиться и влезть на дом, в слуховом окне которого юнкера замаскировали пулемет.

— Стой! — шепнул Андрей.

До конца крыши осталось не больше метра. Ребята остановились.

— Вот здесь вы встанете, — продолжал Андрей, — только не во весь рост. Нагнетесь вот так. Поближе к стене. Одной рукой друг друга обнимите, а свободными руками упритесь в стенку. Понятно? А я влезу на вас — и туда. Хорошо?

Семка и Тарасик кивнули головами и встали так, как велел Андрей. Они обнялись крепче и уперлись ладонями в шершавую и холодную кирпичную стену дома. Андрей осторожно встал на их спины босыми ногами. У Тарасика задрожали колени. Он взглянул на Семку. У того сморщился нос и около виска надулась жилка. Андрей схватился руками за край зеленой крыши и, подтянувшись, закинул на нее ногу. Потом дернулся и очутился наверху. Впереди был чердак, там сидели пулеметчики. Семка и Тарасик легли на своей крыше и стали молча дожидаться. У обоих пересохло во рту, сильно бились сердца. Оба ждали чего-то ужасного, но чего — они и сами не знали.

Андрей осторожно полз вперед. В семи метрах от него, как скворечник, торчал зеленый чердак. «Тише, тише, — думал Андрей, — иначе все провалится». Он старался не дышать, но сердце билось очень сильно, и дыхание было прерывистым. «Надо успокоиться, — мелькало в голове. — Успокоиться, думать о другом. Можно о матери. Она уверена, что я все еще в плену у юнкеров. Плачет... Но я же вернусь. Только вот... Тише, тише... Конечно, вернусь, но ненадолго. Навещу и уйду опять на баррикаду. Было бы только все удачно. Из орудий уже не стреляют. Это перед атакой. Там, на баррикаде, сейчас ждут моего сигнала. И отец, и товарищи. Их много. Не подвести бы. Потихише надо, тогда все удачно будет. К матери я все же после атаки зайду. Я брошу в окно гранату и сразу же вниз. Командир скажет: «Отлично!» И мы пойдем в атаку. Тише только...»

До чердака осталось три шага. Андрей перевел дыхание и ощупал рукою гранату, потом оглядел вокруг себя крышу. Взгляд скользнул и дальше, по всему горизонту. С пятого этажа хорошо были видны окрестности. Впереди возвышался золотой купол большого храма, справа видна была река, пустынный Бородинский мост, безлюдная набережная. Напрягая глаза, можно было увидеть Брянский вокзал и стеклянное перекрытие над перроном, похожее на опрокинутое оцинкованное корыто. Сзади прокалывала сизые тучи игла польского костела, торчала башенка обсерватории. Куда ни смотрел глаз — всюду были дома, низкие и высокие, грязные и нарядные. Они стояли сумрачные и притаившиеся, словно заштрихованные серым карандашом; без единой струйки дыма из труб. И только на севере темнели клубы густого дыма.

Андрей вынул гранату и пополз, держа ее уже в руке. Два шага! Он подобрался к чердаку, но не ви-

дел еще окна. Оставался один шаг. Андрей стал огибать чердак. Внутри отчетливо слышался разговор, смех, чиркнули спичкой. Андрей вздрогнул. Проклятые! Они смеялись точно так же, когда вели его, на лестнице кто-то из них ударил его в нос, хлынула кровь. Он ненавидел их сейчас так же, как ненавидел и раньше в доме, во дворе, на улице. С такой силой, что ему показалось, будто бы в его груди все обожжено. Андрей глотнул воздух. Он никогда не любил драк, но сейчас готов был хватать, душить и уничтожать этих людей. Их нельзя жалеть, нельзя! Ни в коем случае. Только что на баррикаде он видел своего близкого друга Лешку Прохорова. Тот лежал в канавке на носилках и прятал от него свои глаза. Пуля попала в живот, и Лешка умирал. Очень медленно. И прятал глаза, потому что боялся смерти и стыдился этого перед товарищем. Это было ужасно еще тем, что они собирались дружить всю жизнь. Юнкера разбили их дружбу. Хотелось плакать навзрыд. И еще кричать и делать что-либо такое, от чего было бы больно тем, кто так страшно убил Лешку. «Посмеетесь сейчас! Нужно быстро подняться, увидеть окно, схватиться рукой за край чердака, другой сильно бросить гранату внутрь, а самому отпрыгнуть», — подумал Андрей и сейчас же вскочил. В один прыжок он был на месте и увидел черное отверстие слухового окна, хоботок пулемета, который лениво двигался из стороны в сторону. Ему показалось, что он увидел удивленные лица, погоны, но, ничего не разглядывая, рванул запальное кольцо, схватился, как рассчитал, одной рукой за край чердака, другой быстро кинул в черную дыру гранату. Сам отскочил боком в сторону и ничком упал на крышу, нога его уперлась в водосточный желоб. Раздался сильный грохот. Андрею же показалось, что

его скинуло вниз; ощущение падения было настолько естественное, что он с ужасом раскрыл глаза, но все было в порядке: перед самым его носом — зеленая крыша, слева от него — синяя, полная дыма пропасть! Чердак был разворочен. Листы железа по краям этой ямы загибались, как кусочки березовой коры. Сверху опускались какие-то черные хлопья и дым. «Жив!» — решил Андрей, но в глазах у него закрутились зеленые круги, а потом они стали красными, и Андрей опустил веки. Лицо его было черно от копоти, ухо в крови. Внизу на улице возобновилась стрельба. Андрей вдруг вскочил и на четвереньках пополз вверх. Те, которых он ненавидел со всей своей юношеской силой, были уничтожены. И он мог бы отдохнуть здесь, где уже ни ему, ни его маленьким друзьям не грозит опасность. Но Андрей упорно лез вверх.

— Сейчас будет атака, сейчас будет атака. Надо помогать, — шептал он и лез. — Юнкерам нельзя давать опомниться, нельзя.

В край крыши защелкали пули: его увидали. Но Андрей благополучно добрался до того места, откуда начинал свой рейд. В правом боку немного пощипывало, тряслись руки, но сердце успокоилось и билось нормально. Он посмотрел вниз и свистнул. На него глядели ребята. Они были бледны, молчаливы, неподвижны от страха. В первый момент Андрей не разобрал, кто где. Семка справа или Карасик, потом они вскочили и встали по-старому, упираясь ладонями в стену. Тогда он лег на край зеленой крыши и опустил вниз ноги. Поболтав ими, спустился на спину ребят и осторожно слез на крашенное красной краской железо.

— Ну, вот, все вышло как нужно, — обратился он к брату.

И неожиданно для себя сел, словно его кто-то толкнул. В первый

момент не понял, отчего это произошло. В боку уже ныло сильнее, и он сидел, поджав под себя ногу, невольно держась за бок. Ребята смотрели удивленно, и тогда Андрей растегнул куртку и ощупал себя. Правый бок был мокрый. Он посмотрел на руку. Она была в крови. Тарасик при виде этого не выдержал и тут же заплакал. Семка кусал губы.

— Это ничего, ребята,— сказал Андрей,— пройдет. Я отдохну немного. Устал.

Он прилег на больной бок и повернулся лицом к кирпичной стене, чтобы ребята не видели его лица.

— Я сейчас позову кого-нибудь,— сказал Семка. У него блестящие глаза, и он шурил их, словно они болели.

— Я быстро. Ты, Карась, посиди с Андрюхой.

С этими словами Семка отодвинулся от стены и пополз вниз, но едва он достиг парапета, как о кирпичи ударилось несколько пуль. Вверх взлетели кусочки камня. Семка откинулся назад.

— Иди сюда, нельзя ходить, тебя убьют! — крикнул Андрей. — Я же ничего, я отдохну. Мы переждем, юнкеров скоро выбьют. Сейчас наши пойдут в атаку.

Семка вернулся на старое место. На улице не переставая стреляли пулеметы. «Я ранен,— думал Андрей,— ранен... Откуда же быть крови? Но это не пуля, наверно, осколок гранаты. Царапнула... Может быть, и не опасно. Не так, как Лешку. Ведь бок не особенно болит. Просто жжет».

Ему и в голову не приходило, что рана может быть смертельной, он не представлял себе, что так вот запросто может умереть. «Смерть ведь наступает быстро. Бежал, упал — и все кончено. И не дышишь и не думаешь, а я вот все замечаю и чувствую... Сбоку сидят ребята. Я понимаю, что они напуганы.

А вот по кирпичной стене ползет черная мушка или жучок. Как хорошо видны блестящие черные крылышки. Я же все вижу и понимаю».

— Андрюш, Андрюш,— тихо сказал Семка,— течет...

— Что? — спросил Андрей.

Приподнялся на локте и взглянул себе под ноги. По крыше вниз бежала тоненькая струйка крови. Она, извиваясь, исчезала у парапета. У Андрея сразу же похолодело внутри. Как это он раньше не заметил?

— Кровь? — произнес он. — Разве это кровь? Почему же так много? Да, это кровь. Вот неприятность.

Сказал это очень спокойно, но про себя взволновался страшно. Закрыв на минутку глаза, потом повернулся спиной к стене, чтобы не видеть крови. Подсунул руку под куртку и положил ее на больное место, прижал ладонью. Пальцы нащупали словно дырку в ребрах. «Нет, нет, это просто складка на рубашке! Ничего,— подумал он.— Все будет как следует. Это царапина. Обидно только, атаковать без меня будут».

Но сам знал, что не царапина. Уж очень много крови. И внезапно он ясно почувствовал, что это и есть та самая ужасная минута, когда особенно хочется ходить и бегать, кричать и смеяться, шутить с товарищами, что-то делать, даже вылезать озорно под пулями на баррикаду, жить! Перед глазами возникла струйка крови. И потом другое: он был когда-то на пожаре. На земле валялся большой пожарный шланг. Огонь уже был затушен. И шлангом не пользовались. Он лежал на земле, из него медленно вытекали остатки воды. Сначала вода бежала сравнительно быстро, а потом все медленнее и медленнее, и затем из медного наконечника вытекла последняя капля. Упругий брезентовый шланг обмяк и стал

тонким. Так и он. Скоро будет последняя капля! Андрей вздрогнул. Скорей же послать за помощью! Но потом он понял, что это пока невозможно. За ними следят юнкера, и крыша находится под обстрелом. Его маленький брат может быть моментально убит. Нет, до атаки этого нельзя! Надо терпеть! Он хотел тогда сделать себе перевязку, но побоялся отнять от раны руку. Ему казалось, что кровь вся уйдет из него сейчас же, как только он это совершит.

На улице умолкла пулеметная стрельба. Внизу закричали «ура». Опять раздали выстрелы. Беспорядочно стреляли с обеих сторон.

— О, это наши с баррикады пошли в атаку! — закричал Андрей. — Молодцы, молодцы. Смотрите же, скорей, скорей, как они там?

Ребята поползали вниз.

— Нет, нет, — сказал Андрей, — ты оставайся со мной. Пусть один Карасик. Он нам скажет оттуда. Ты, Карась, не бойся, ты смотри в дырку, в водосточную дырку. В тебя не попадут.

Тарасик лег у парапета и стал смотреть на улицу.

— Ну как, что там, что там видно? — волновался Андрей.

— Они бегут, — сказал Тарасик, глядя сквозь круглое отверстие водостока. — Вылезают из-за баррикады и бегут. Здорово наступают. Вот легли. Нет, опять вскочили. Они бегут с ружьями прямо на юнкеров.

— Правильно, правильно, — шепнул Андрей Семке, — они теперь возьмут эти казармы. Они мешали двигаться нам вперед. Теперь мы покажем офицерам. Как там, не видно с нашей стороны высокого в кожаной тужурке? — крикнул он Тарасику.

— Да... вон... Нет, не этот. Все очень мелькает.

— Тебе больно? — спросил Семка.

— Что? А, нет, нет. Мне очень

хорошо, — ответил Андрей. — Высокий в кожаной тужурке — это командир, Сергей Петрович. Он будет очень рад, что я выполнил его поручение.

— Я все-таки сбегаяю... — сказал Семка.

— Нет, теперь уж все равно. Мне не больно... Подползи-ка поближе, — подозвал его Андрей. — Знаешь, — шепнул он ему, — ты не говори маме, что меня видел здесь. Пусть она думает, что меня взяли в плен. Не смей плакать! Мне бы сейчас музыку хорошую надо, а ты юни распустил!

— Теперь наши уже вбежали в дом! — закричал Тарасик. — И в ворота, и в дверь. И ружьями бьют в дверь. Мешки упали, мешки упали из нижних окон. С баррикад еще бегут. С флагом, с красным флагом.

Он уже не заглядывал в отверстие, а смотрел прямо через парапет. Выстрелы не прекращались, стали слышны еще глухие взрывы.

— Это гранаты, — сказал Андрей. — Ну, теперь дело в порядке, они там все разрушат...

— У тебя бровь дрожит, — заметил Семка.

— Ничего, это — от радости. Теперь здесь тихо станет, и мать не будет бояться. Скоро весь город нашим будет. Ты винтовку не забудь, возьми с собой и спрячь.

— Андрюш, мне жалко. Как же ты...

— Не плачь ты! Мне-то разве не жалко? Молчи!.. Ты знаешь Надю? Девушку из третьего дома? Ну, что рядом с нашим...

— Это твоя невеста, да?

— Что ты болтаешь? Откуда ты взял?

— Мы с Карасем видели, как вы целовались.

— Вот тоже выдумал. Мы просто с ней разговаривали. Так ты скажи ей, что меня, меня... ну, увезли. Схватили, связали и увезли, а я дрался. Так и скажи, что сам видел.

— Она не поверит.

— Нет, поверит. Я знаю, что поверит. Ты скажи, что здорово дрался. Ты скажи, там был толстенный офицер. Такой толстенный и розовый.

— Его убили,— сказал Семка.— Мы видели.

— Он был противный, как жаба. Такая зеленая... Нет, постой, кажется, розовая. Зеленая или розовая?

— Он что-то не так говорит,— шепнул Семке подползший Тарасик, которому надоело глядеть вниз.

— Молчи, молчи,— оборвал его Семка.— Почему ты ушел оттуда?

— Там уже ничего не видно.

— Ну так сиди и молчи.

Семка понимал, что с братом что-то неладное, но не знал, что предпринять.

«Святой Николай-угодник, святой Николай,— говорил он про себя так же, как говорила во время всех несчастий его мать, обращаясь к темной иконке в кухонном углу.— Спаси его и помилуй...» Семка видел струйку крови, и его охватывал ужас, что он ничего не может сделать.

— Мы не пойдем с тобой больше ловить рыбу,— сказал Андрей и лег навзничь.

— Пойдем, что ты, конечно, пойдем,— испугался Семка.— Еще как пойдем-то.

— А? — поднялся опять Андрей.— Куда уж там! Течет, все время течет...

Он снова опустил голову и прильнул щекой к железу.

— Течет, как из дырявого мешка... Где же я читал про это: на

полках лежали мешки с вином и их прокалывали ножом? Вот и забыл... Ах да, это был офицер, тот толстенный. Он-то это и сделал. Так построил, что теперь все крутится. Видишь, Семка?.. Посмотри скорей, мне одному больно смотреть. Дрожит все...

Он лепетал еще, потом затих. В глазах у него мелькали зеленые и красные круги. Затем они стали расширяться. Все шире и шире. И от этого хотелось ему кричать.

— Знаешь что, ты все-таки посиди с ним,— сказал Семка,— а я бегаю. Он не умер. Так не умирают. Он жив. Он просто устал. Ты посидишь?

— Да.

— Я побегу. Ты только не трусь. Он устал и заснул. Разве так умирают?.. Он, конечно, жив.

Семка быстро спустился к парашету и побежал по крыше открыто, не прячась. Стрельба прекратилась. На горизонте были разорваны серые тучи. Видно было, как догорал желто-лимонный закат и пепельные тучи отступали кверху. Андрей Тимошин шевельнул рукою и застонал. Около него, сжавшись в комочек, сидел Тарасик. А внизу в казармах шла рукопашная схватка между юнкерами и красногвардейцами. Дрались уже во втором этаже, и юнкера отступали, забираясь все выше, на третий и на четвертый этажи. Некоторые из них из малодушья выбрасывались из окон на мостовую и жалко умирали на камнях, боясь встретиться лицом к лицу с теми, кто победно поднимал красное знамя над великим городом.

АЛЕКСАНДР
СЕРАФИМОВИЧ

ДВЕ СМЕРТИ

В Московский совет, в штаб, пришла сероглазая девушка в платочке.

Небо было октябрьское, грозное, и по холодным мокрым крышам, между труб, ползали юнкера и снимали винтовочными выстрелами неосторожных на Советской площади.

Девушка сказала:

— Я ничем не могу быть полезной революции. Я б хотела доставлять вам в штаб сведения о юнкерах. Сестрой — я не умею, да сестер у вас много. Да и драться тоже — никогда не держала оружия. А вот, если дадите пропуск, я буду вам приносить сведения.

Товарищ с маузером за поясом, в замасленной кожанке, с провалившимся от бессонных ночей и чахотки лицом, неотступно всматриваясь в нее, сказал:

— Обманете нас, расстреляем. Вы понимаете? Откроют там, вас расстреляют. Обманете нас, расстреляем здесь!

— Знаю.

— Да вы взвесили все?

Она поправила платочек на голове.

— Вы дайте мне пропуск во все посты и документ, что я — офицерская дочь.

Ее попросили в отдельную комнату, к дверям приставили часового.

За окнами на площади опять посыпались выстрелы — налетел юнкерский броневи́к, пострелял, укатил.

— А черт ее знает... Справки навел, да что справки, — говорил с провалившимся чахоточным лицом товарищ, — конечно, может подвести. Ну да, дадим. Много она о нас не сумеет там рассказать. А попадетсЯ — пристукнем.

Ей выдали подложные документы, и она пошла на Арбат в Александровское училище, показывая на углах пропуск красноармейцам.

На Знаменке она красный пропуск спрятала. Ее окружили юнкера и отвели в училище в дежурную.

— Я хочу поработать сестрой. Мой отец убит в германскую войну, когда Самсонов отступал. А два брата — на Дону в казачьих частях. Я тут с маленькой сестрой.

— Очень хорошо, прекрасно. Мы рады. В нашей тяжелой борьбе за великую Россию мы рады искренней помощи всякого благородного патриота. А вы — дочь офицера. Пожалуйте!

Ее привели в гостиную. Принесли чай.

А дежурный офицер говорил стоящему перед ним юнкеру:

— Вот что, Степанов, оденьтесь рабочим. Проберитесь на Покровку. Вот адрес. Узнайте подробно о девице, которая у нас сидит.

Степанов пошел, надел пальто с кровавой дырочкой на груди — только что сняли с убитого рабочего. Надел его штаны, рваные сапоги, шапку и в сумерки отправился на Покровку.

Там ему сказал какой-то рыжий лохматый гражданин, странно играя глазами:

— Да, живет во втором номере какая-то. С сестренкой маленькой. Буржуйка чертова.

— Где она сейчас?

— Да вот с утра нету. Аресто-

вали, поди. Дочь штабс-капитана, это уж язва... А вам зачем она?

— Да тут ейная прислуга была из одной деревни с нами. Так повидал хотел. Прощайте!

Ночью, вернувшись с постов, юнкера окружили сероглазую девушку живейшим вниманием. Достали пирожного, конфет. Один стал бойко играть на рояле; другой, склонив колено, смеясь, подал букет.

— Разнесем всю эту хамскую орду. Мы им хорошо насыпали. А завтра ночью ударим от Смоленского рынка так, только перья посыпятся.

Утром ее повели в лазарет на перевязки.

Когда проходили мимо белой стены, в глаза бросилось: у стены в розовой ситцевой рубашке, с откинутой головой лежал рабочий — сапоги в грязи, подошвы протоптаны, над левым глазом темная дырочка.

— Шпион! — бросил юнкер, проходя и не взглянув. — Поймали.

Девушка целый день работала в лазарете мягко и ловко, и раненые благодарно глядели в ее серые темно-запущенные глаза.

— Спасибо, сестрица.

На вторую ночь отпросилась домой.

— Да куда вы? Помилуйте, ведь опасно. Теперь за каждым углом караулят. Как из нашей зоны выдете, сейчас вас схватят хамы, а то и подстрелят без разговору.

— Я им документы покажу, я — мирная. Я не могу. Там сестренка. Бог знает что с ней. Душа изболелась...

— Ну да, маленькая сестренка. Это, конечно, так. Но я вам дам двух юнкеров, проводят.

— Нет, нет, нет... — испуганно протянула руки, — я одна... я одна... Я ничего не боюсь.

Тот пристально посмотрел:

— Н-да... Ну что ж!.. Идите.

«Розовая рубашка, над глазом

темная дырка... голова откинута...»

Девушка вышла из ворот и сразу погрузилась в океан тьмы — ни черточки, ни намека, ни звука.

Она пошла наискось от училища через Арбатскую площадь к Арбатским воротам. С нею шел маленький круг тьмы, в котором она различала свою фигуру. Больше ничего — она одна на всем свете.

Не было страха. Только внутри все напрягалось.

В детстве, бывало, заберется к отцу, когда он уйдет, снимет с ковра над кроватью гитару, усядется с ногами и начинает потинькивать струною, и все подтягивает колышек, и все тоньше, все выше струнная жалоба, все невыносимей. Тонкой, в сердце впившейся судорогой — ти-ти-ти-и... Ай, лопнет, не выдержит... И это доставляло потрясающее, ни с чем не сравнимое наслаждение.

Так шла в темноте, и не было страха, и все повышалось тоненько: ти-ти-ти-и... И смутно различала свою темную фигуру.

И вдруг протянула руку — стена дома. Ужас разлился расслабляющей истомой по всему телу, и бисеринками, как тогда, в детстве, выступил пот. Стена дома, а тут должна быть решетка бульвара. Значит, потерялась. Ну, что ж такое — сейчас найдет направление. А зубы стучали неудержимой внутренней дрожью.

Кто-то насмешливо наклонялся и шептал:

— Так ведь это ж начало конца... Не понимаешь?.. Ты думаешь, только заблудилась, а это нач...

Она нечеловеческим усилием распутывает: справа Знаменка, слева бульвар... Она, очевидно, взяла между ними. Протянула руки — столб. Телеграфный? С бьющимся сердцем опустилась на колени, пошарила по земле, пальцы ткнулись в холодное мокрое железо... Решетка, бульвар. Разом свалилась тя-

жесть. Она спокойно поднялась и... задрожала. Все шевелилось кругом — смутно, неясно, теряясь, снова возникая. Все шевелилось — и здания, и стены, и деревья. Трамвайные мачты, рельсы шевелились, кроваво-красные в кроваво-красной тьме. И тьма шевелилась, мутно-красная. И тучи, низко свесившись, полыхали, кровавые.

Она шла туда, откуда лилось это молчаливое полыхание. Шла к Никитским воротам. Странно, почему ее до сих пор никто не окликнул, не остановил. В черноте ворот, подъездов, углов — знает — затаились дозоры, не спускают с нее глаз. Она вся на виду, идет, облитая красным полыханием, идет среди полыхающего.

Спокойно идет, зажимая в одной руке пропуск белых, в другой — красных. Кто окликнет, тому и покажет соответствующий пропуск. Кругом пусто, только без устали траурно-красное немое полыхание. На Никитской чудовищно бушевало. Разъяренные языки вонзились в багрово-низенькие тучи, по которым бушевали клубы багрового дыма. Громадный дом насквозь светился раскаленным ослепительным светом. И в этом ослепительном раскалении все, безумно дрожа, бешено несло в тучи; только, как черный скелет, неподвижно чернели балки, рельсы, стены. И все так же иступленно светились сквозные окна.

К тучам неслись искры хвостатой красной птицы, треск и непрерывный раскаленный шепот — шепот, который покрывал собою все кругом.

Девушка обернулась. Город тонул во мраке. Город с бесчисленными зданиями, колокольнями, площадями, скверами, театрами, публичными домами — исчез. Стояла громада мрака.

И в этой необъятности — молчание, и в молчании — затаенность: вот-вот разразится, чему нет имени.

Но стояло молчание, и в молчании — ожидание. И девушке стало жутко.

Нестерпимо обдавало зноем. Она пошла наискось. И как только дошла до темного угла, выдвинулась приземистая фигура и на штыке заиграл отблеск.

— Куды?! Кто такая?

Она остановилась и поглядела. Забыла, в которой руке какой пропуск. Секунда колебания тянулась. Дуло поднялось в уровень груди.

Что ж это?! Хотела протянуть правую и неожиданно для себя протянула судорожно левую ладонь и разжала.

В ней лежал юнкерский пропуск.

Он отставил винтовку и неуклюже, неслушающимися пальцами стал расправлять. Она задрожала мелкой, никогда не испытанной дрожью. С треском позади вырвался из пожарища сноп искр, судорожно осветив... На корявой ладони лежал юнкерский пропуск... Кверху ногами...

«Уфф т-ты... неграмотный!»

— На.

Она зажала проклятую бумажку.

— Куда идешь? — вдогонку ей.

— В штаб... в Совет.

— Переулками ступай, а то цокнут.

...В штабе ее встретили внимательно: сведения были очень ценные. Все приветливо заговаривали с ней, расспрашивали. В кожанке, с чахоточным лицом, ласково ей улыбался:

— Ну, молодец, девка! Смотри только, не сорвись...

В сумерки, когда стрельба стала стихать, она опять пошла на Арбат. В лазарет все подвозили и подвозили раненых из района. Атака юнкеров от Смоленского рынка была отбита; они понесли урон.

Целую ночь девушка с измученным, осунувшимся лицом перевязывала, поила, поправляла бинты, и

раненые благодарно следили за ней глазами. На рассвете в лазарет ворвался юнкер, без шапки, в рабочем костюме, взъерошенный, с искаженным лицом.

Он подскочил к девушке:

— Вот... эта... потаскуха... продала...

Она отшатнулась, бледная как полотно, потом лицо залила смертельная краска, и она закричала:

— Вы... вы рабочих убиваете! Они рвутся из страшной доли... У меня... я не умею оружием, вот я вас убивала...

Ее вывели к белой стене, и она послушно легла с двумя пулями в сердце на то место, где лежал рабочий в ситцевой рубашке. И пока не увезли ее, серые опущенные глаза непрерывно смотрели в октябрьское суровое и грозное небо.

**ВЛАДИМИР
БИЛЬ-БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ**

НАША ВЗЯЛА!

Последняя ночь Октябрьских боев. Я получил приказ пробраться в штаб белых, доставить пакет.

— Ультиматум, — сказал кто-то мне на ухо.

Предельную усталость, когда подкашиваются ноги, а от бессонных ночей так мучительно клонит ко сну, что порой теряешь сознание, — при одном только слове «ультиматум» как рукой сняло, словно тела коснулся электрический ток. Я вздрогнул: «Ультиматум», — значит, наша берет!..

В моем распоряжении закрытая машина «Красного Креста». Мне указали на двух вражеских парламентаров. Они в поношенных шинелях. Это переодетые офицеры.

Получив соответствующий пропуск, я вышел с ними на улицу. Офицеры быстро юркнули внутрь машины и торопливо захлопнули дверцу. Я взобрался на открытое сиденье рядом с шофером.

Тихо, осторожно, с потушенными фарами повел шофер машину. Вокруг ни одного огонька. Все потонуло в глубоком мраке. После шума дневных боев ночная тишина казалась подозрительной, настороженной, зловещей. Чутко прислушиваешься... Кажется, будто и ночь затаила дыхание. В этом мраке неожиданное появление машины могло вызвать подозрение и у своих, и у врагов.

Тихо, словно на ощупь, подвига-

лись мы вперед, но шум моторов и колес не мог не нарушить мертвой тишины. И справа, сотрясая воздух, подобно частым ударам молота по железному настилу, загрели выстрелы. Над нашими головами стремительно, со свистом, словно вспугнутые птицы, пронеслись пули.

— В нас стреляют! — взволновался шофер.

Сложив руки рупором, я крикнул во мрак:

— Свои! Большевики!

— Стой! — твердо прозвучал впереди зычный голос.

Машина стала. Из мрака вынырнули три фигуры.

— Кто такие?

— Свои, — ответил я, протягивая пропуск. В свете спички сверкнули штыки, осветились небритые, заглубленные солдатские лица.

— Проезжай!

Время от времени, оглашая воздух криками: «Свои! Большевики!» — мы продвигались вперед...

И снова:

— Стой!

На этот раз спичка осветила бравую фигуру матроса, его широкое, мужественное лицо. На бушлате блестят медные пуговицы. Змеей извивается вокруг пояса и скрестилась на груди пулеметная лента. В левой руке — короткий карабин. Рядом стоял, опираясь на винтовку, высокий пожилой рабочий с сосредоточенным усталым-серьезным лицом.

— Куда? — прогудел матрос. Я протянул ему пропуск. Пробежав глазами, бросил на меня строго-испытующий взгляд, вернул пропуск:

— Катись!..

Но вот и Арбатская площадь. Неожиданно, откуда-то, вероятно с крыши, забарабанили пули. Машина стала.

Шофер растерялся.

— Давай ход! Давай! — толкнул

я его. Рванув машину, он оглушительно и, очевидно, сдуру заорал:

— Свои! Большевики!

Машина, перемахнув площадь, влетела в улицу, наскочила на труп и, испуганно завизжав тормозами, сразу остановилась.

— Стой! Стой! — кричали впереди какие-то новые, чужие голоса.

— Кадеты, — шепнул шофер...

Три штыка почти коснулись наших тел.

— Что?! Не туда попал?! — злорадствовал молодой голос.

— Сходи! — скомандовал другой.

— Ну! — последовала матерщина.

— Чего лаешься? — огрызнулся я. — Дело есть!

— Какое дело?

— В штаб!

Привыкшие ко мраку глаза различили фигуры юнкеров. На шум голосов из машины выскочили парламентареры. Отрекомендовавшись, они предложили пропустить нас.

В сопровождении офицеров-парламентареров я вошел в вестибюль Александровского военного училища. Ослепил свет. Здесь толкались, казалось без цели, офицеры, юнкера, попадались казаки. Мое солдатское обмундирование, давно не бритое лицо сразу обратили на себя внимание.

— Большевик! Большевик! — раздались голоса.

— Матерый! Попался!

Пожилой парламентар взял у меня пакет и помчался по лестнице наверх. Молодой усадил меня на стул и поставил рядом со мной юнкера с винтовкой. Через минуту и он исчез. Теперь выражение лиц присутствующих резко изменилось.

Пакет, мой независимый вид и отношение ко мне офицера-парламентаря — все это говорило, что я не пленник. Мое присутствие здесь казалось необычайным и вызывало любопытство.

Среди этой публики особенно

выделялся молодой, но бородатый (для солидности) приземистый офицер.

— Что, товарищ, — произнес он иронически, — плохи ваши дела?

У него изо рта несло спиртом.

— Почему плохи? — спокойно спросил я.

— За милостью приехал?

— Почему за милостью?

— Бьют вашего брата?

— Кто сказал?

— Я говорю! Я! — крикнул он, раздраженный моим спокойствием.

— Керенский и генерал Краснов разгромили красных под Петроградом. Вдребезги разгромили! Известно ли это «товарищу»? — кричал он, насмешливо произнося слово «товарищ» и хитро подмигивая своим.

— А у меня сведения иные, — произнес я с деланным равнодушием.

— А именно: какие? Какие?..

— Интересно послушать, — слышались нетерпеливые голоса.

— Насколько мне известно, — сказал я, — Керенский показал пятки, а генерал Краснов взят в плен!..

Взорвись бомба, она не произнесла бы такого эффекта. Тут я понял: рядовая масса белых до последнего момента (как это потом и подтвердилось) была ложно информирована.

— Врет он, большевик! — завизжал тенорком бородач.

— Врешь! Врешь!

— Панику пришел наводить! Панику!

Наполовину обнажив клинок сабли, он шагнул ко мне, зверски закусив губу. Юнкер загородил ему дорогу штыком. Сдержав себя, я все так же спокойно осадил его:

— Не шуми, борода! Не шуми!

Пожалеешь!

Последнее слово я произнес загадочно. Бородач вытаращил глаза. Я решил нанести второй удар:

— Если кто из вас, господа, сомневается в моих словах, пусть

потерпит немного. Скоро узнаете... Скоро!

Это был нокаут! Не скрывая своего смущения, все отступили.

...Тревога! Где-то близко на улице стрельба. Сверху с лестницы бегом, щелкая затворами винтовок, спускались юнкера и офицеры. Стремглав бежали на улицу. По лестнице почти скатился старый сухощавый полковник.

— Кто смел снять посты? — истерически кричал он на дежурного офицера, сидящего в стороне за отдельным столиком.

— Кто смел? Кто? Кто?

Дежурный, вытянувшись и отдавая честь, что-то бормотал.

«Наши нажимают», — подумал я.

Постепенно звуки выстрелов стали ослабевать. Тяжело дыша, возвращались юнкера и офицеры. Вестибюль вновь наполнился людьми. А через некоторое время сверху и снизу донеслись голоса:

— На собрание!

— На собрание!

Вестибюль мигом опустел. Остались только часовые и дежурные. Шум и говор в комнате справа затихли. Потом монотонно зазвучал чей-то голос. Как ни напрягал я свой слух, я мог только уловить обрывки фраз:

— Сдать оружие... Демаркационная линия... Советы...

Но вот чтение закончено. Последовала короткая пауза... Потом зашумели, закричали. Кто-то пытался возражать, но яростный голос резко оборвал:

— Смирно! Молчать! Это вам не большевистское собрание! Разойдись!

Как прорвавшаяся плотина, шумно выходила из комнаты толпа. Рыжий офицер со всклокоченными волосами орал:

— Продали! За тридцать серебряников продали!

Ему вторил тенорком бородач:

— Ох и влетит же нам от большевиков!

Я понял: ультиматум принят...

Опустив голову, ни на кого не глядя, сопровождаемый небольшой свитой, спускался сверху среднего роста полковник в сером френче. Он был бледен. Это был полковник Рябцев, командующий силами врага в Москве. В его свите среди военных выделялась фигура в черном пальто и шляпе. Это был один из лидеров меньшевиков. Ко мне быстро подошел пожилой офицер-парламентер, все в той же солдатской шинели.

— Едем в думу! — торопливо сказал он.

В думе предстояла встреча с представителями Военно-революционного комитета. Полковник Рябцев и весь его штаб втиснулись в машину «Красного Креста», а я, как и раньше, взобрался на сиденье рядом с шофером.

— Едем в думу офицеров сдавать! — радостно шепнул я на ухо шоферу. Шофер только крикнул в ответ и с места рванул машину.

По городу изредка кое-где еще гремели выстрелы, но ночь уже не казалась мне такой напряженной и мрачной. Вдали чуть обозначилось какое-то светлое пятнышко.

— Наши, — сказал шофер. — Должно, костер развели, греются. Надо предупредить.

Я сошел с машины и зашагал вперед к этой светлой точке. Сложив руки рупором, бодро и весело, во всю мочь, крикнул:

— Свои! Большевики!

Оттуда донесся чуть слышный голос в ответ.

По мере приближения к своим я чувствовал все нарастающий прилив радости, как после долгой разлуки с самыми близкими и любимыми людьми.

— Свой! Свой! — звонко и далеко разносился мой голос.

— Давай! Подходи! — приветливо отвечали мне.

Машина двигалась следом за мной. И вот открылась слабо освещенная отблеском скрытого костра баррикада из бревен, булыжника и афишных тумб. Над баррикадой торчали дула, штыки и видны были головы солдат и рабочих. Меня буквально распирало от счастья. На баррикаде мне отвечали дружными улыбками.

— Подходи, товарищ, подходи! — просто и сердечно приглашали товарищи.

— Наша взяла! — задыхаясь, мог только выговорить я.

Но и этих слов было достаточно,

чтобы товарищи поняли весь смысл их. Одним могучим рывком, как колоду, отбросили они в сторону тумбу.

— Проезжай, браток! Проезжай!

Машина рванулась в образовавшийся проход.

Итак, я выполнил свое задание. Оставив машину у городской думы, с трудом передвигая ноги, я пешком направился в штаб. Штаб Красных. Штаб Революции.

Предутренняя сырость и холодный ветерок не охладили моего пылающего лица; сердце переполнилось невыразимым чувством великой радости. И хотелось крикнуть на весь мир.

— Наша взяла! Наша взяла!

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Александр Попов. Воспоминание о костре . . . . .</i>	<i>1</i>
<i>Борис Лавренев. Выстрел с Невы . . . . .</i>	<i>6</i>
<i>Николай Никитин. Октябрьская ночь . . . . .</i>	<i>19</i>
<i>Алексей Мусатов. Катерина . . . . .</i>	<i>26</i>
<i>Александр Яковлев. Восстание . . . . .</i>	<i>31</i>
<i>Владимир Курочкин. Слуховое окно . . . . .</i>	<i>44</i>
<i>Александр Серафимович. Две смерти . . . . .</i>	<i>55</i>
<i>Владимир Билль-Белоцерковский. Наша взяла! . . . . .</i>	<i>59</i>

Выстрел с Невы

Рассказы о Великом Октябре

Редактор
О. ГОЛЕВА
Художественный редактор
Г. САЛЕНКОВ
Технические редакторы
В. КОТОВА, Н. ГАНИНА
Корректор
В. ДРОБЫШЕВА

ИБ № 4547

Сдано в набор 3.12.86. Подписано к печати 3.03.87. Формат 70×100/16. Гарнитура об. нов. Печ. офсет. Бумага офс. № 2. Усл. печ. л. 5,2. Усл. кр.-отт. 10,89. Уч.-изд. л. 5,18. Тираж 750 000 экз. Заказ 1340. Цена 15 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР. 123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62.

Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавополиграфпрома Госкомиздата РСФСР. 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

P2
B93

Художник В. Алексеев

B93

Выстрел с Невы: Рассказы о Великом Октябре/
Худож. В. Алексеев.— М.: Современник, 1987.—
63 с.; ил.— (Отрочество. Серия книг для подростков).

Сборник рассказов советских писателей, воскрешающих события октябрьских
дней 1917 года в Петрограде и Москве.

В 4803010102—135
М106(03)—87 281 — 87

ББК84Р7
Р2

© Оформление, издательство «Современник», 1987.

Сканирование - Lukas
DjVu-кодирование - Беспалов

15 коп.

отрочество

отрочество

ОТРОЧЕСТВО

СЕРИЯ КНИГ
ДЛЯ
ПОДРОСТКОВ

Юный читатель!

В следующей книге серии «Отрочество» Вы сможете прочесть две повести великого русского писателя XIX века Ивана Сергеевича Тургенева о юности и первой любви — «Ася» и «Первая любовь».

«Современник»

отрочество

отрочество

ВЫСТРЕЛ С НЕВЫ

